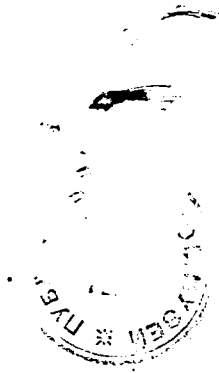

У 155
168

Миеологія казанскихъ татаръ.

На какой бы пиззой ступени умственнаго развитія ни находился народъ, онъ обыкновенно не довольствуется тою суммою познаній, которая достигнута имъ путемъ опыта и наблюденія. Въ природѣ много удивительныхъ неразгаданныхъ и непонятныхъ явленій, относительно которыхъ умъ человѣческій не можетъ оставаться въ неизвѣстности, пытается такъ или иначе ихъ объяснить, разгадать. И вотъ, не имѣя опредѣленныхъ твердыхъ познаній положительнаго характера, народъ прибѣгаетъ къ творчеству своей фантазіи для объясненія всего непонятнаго. Въ сферу природы, ея естественныхъ явленій вводятся новыя силы, особыя существа, дѣйствіемъ которыхъ народъ и объясняетъ по своему все выходящее изъ ряда обычныхъ явленій. Эти существа владѣютъ—каждое какою нибудь стороною въ природѣ и человѣческой жизни; ихъ вліяніе и воздѣйствіе сказывается повсюду—и дома, и въ лѣсу, и въ полѣ. Такъ создается народная миеологія.

У казанскихъ татаръ разнообразныя народныя повѣрья, гаданія и примѣты отъ старинныхъ временъ сохраняются до настоящаго времени, и, по нашему наблюденію, нисколько не въ меньшей степени, чѣмъ у другихъ народностей, паходящихся на одинаковомъ съ ними уровнѣ умственнаго развитія. Какъ будто этого не должно-бы быть. Вліяніе ислама па его послѣдователей настолько сильно, что обыкновенно онъ подавляетъ народную фантазію, и можно-бы ожидать, что онъ, регулируя каждый шагъ жизни магометанина и представляя всему непонятному свои собственные объясненія, уже успѣлъ падавить, уничтожить всѣ продукты творческой фантазіи народа.

А между тѣмъ у казанскихъ татаръ мы видимъ довольно богатую миеологию, можно слышать отъ нихъ рассказы о разныхъ сверхъестественныхъ баснословныхъ существахъ, можно наблюдать, что татары придаютъ огромное значеніе вліянію этихъ существъ, а также гаданіямъ и примѣтамъ. Все это конечно можно объяснить темнотою народа, который въ область религіи вноситъ произведенія своей фантазіи п съ одинаковой довѣрчивостью относится къ тому и другому. И хотя во внѣшнихъ своихъ поступкахъ и дѣйствіяхъ сообразуется съ предписаніями религіи, но не можетъ освободиться и отъ своихъ суевѣрій, которыми переполнено его воображеніе.

Всѣ миеическія баснословныя существа, по вѣрованію татаръ, полудуховны, полувещественны. Многія изъ нихъ имѣютъ человѣческій видъ, или по крайней мѣрѣ въ такомъ видѣ они являются людямъ, но при этомъ съ какою нибудь особенностью, которая ихъ отличаетъ отъ людей. То они слишкомъ малаго роста, какъ Бичура, то у нихъ слишкомъ длинныя руки и ногти, какъ у Шурыле (лѣшій), нѣкоторые изъ нихъ не имѣютъ какого нибудь члена человѣческаго тѣла. Во всякомъ случаѣ всѣ они производятъ странное, жуткое впечатлѣніе на человѣка.

Баснословныхъ существъ очень много, и они наполняютъ весь міръ. Каждое изъ нихъ является владѣтелемъ какого нибудь отдѣльнаго мѣста. Одни изъ нихъ владѣютъ лѣсомъ, другіе живутъ въ водѣ на положеніи распорядителей водныхъ пространствъ рѣкъ и озеръ, нѣкоторые живутъ просто въ полѣ и являются людямъ въ буранъ, въ непогоду, многія, наконецъ, любятъ вести домашнюю жизнь и расселились по домамъ и дворамъ жителей, такъ что въ каждомъ домѣ, въ каждомъ дворѣ, кромѣ хозяина-человѣка, есть особый хозяинъ—степенный и дѣловитый Ой-эясе (домовой), блюститель скота—Абзаръ-эясе, неумная и озорная Бичура. О нѣкоторыхъ рассказываютъ, что они живутъ семьями, имѣютъ дѣтей. Такъ, на примѣръ, водяной имѣетъ жену, которую многіе видѣли, какъ она въ полночь выходитъ на мостикъ илп на переходъ черезъ рѣчку и моетъ своихъ дѣтей.

Если человѣкъ вѣрится въ эти существа и проникнуть уваженіемъ къ нимъ,—такому человѣку они вреда не приносятъ, развѣ только иногда поугааютъ его, такъ сказать, напоянть о себѣ. Наоборотъ человѣка, не вѣрующаго въ нихъ

и не почитающаго ихъ, они всегда готовы изловить въ какомъ нибудь удобномъ для нихъ мѣстѣ и погубить.

„Духи“, ютящіеся въ домахъ и во дворахъ, по повѣрью татаръ, обыкновенно пожилые, серьезные и степенные. Существеннаго вреда они не приносятъ,—имъ не слѣдуетъ только перечить да не нужно бранить ихъ. Напр., домовый (Ой-эясе) представляется изряднымъ старцемъ, очень строгимъ и внимательнымъ. Опъ непремѣнно накажетъ того, кто провинился предъ нимъ, пошлетъ какую нибудь болѣзнь, но несмертельную. Предвидя несчастье дому, онъ сильно беспокоится, ходитъ всю ночь по избѣ, тяжело вздыхаетъ. Домашніе „духи“, напр. Абзаръ эясе, наблюдаютъ за скотомъ и заботятся о немъ. Животное, которое не понравится имъ, хозяинъ долженъ скорѣе продать, иначе оно будетъ худѣть день ото дня, пока совсѣмъ не захирѣетъ. Если у лошади грива завивается косичками и сильно путается, то не слѣдуетъ ея расчесывать,—это можетъ не понравиться тому духу, который завилъ гриву. Онъ все равно будетъ завивать гриву каждую ночь, пока не разсердится. И когда его прогнѣваешь, то онъ отомститъ тѣмъ, что изведетъ лошадей или сдѣлаетъ такъ, что она гдѣ нибудь пропадетъ безъ вѣсти. Во всякомъ случаѣ, если домашнія баснословныя существа иногда и причиняютъ вредъ, то дѣйствуютъ они по какимъ либо серьезнымъ основаніямъ и мотивамъ.

Не таковы тѣ изъ мифическихъ существъ, по повѣрью татаръ, которыя живутъ въ поляхъ и въ лѣсахъ. Они отличаются преимущественно озорствомъ, какъ напр. Шуряле—лѣшій, или кровожадностью, какъ Убырь, Албасты и т. п. Когда случится вьюга, непогода, они непремѣнно кого нибудь скружатъ, запутають въ полѣ, далеко, далеко уведутъ его съ дороги, бросятъ въ безпомощномъ состояніи. Находчивость да умѣнье обращаться съ ними еще могутъ спасти человѣка; что касается людей малоопытныхъ, то имъ грозитъ неминуемая гибель.

Помимо вѣры въ особыя баснословныя существа, у казанскихъ татаръ есть много другихъ повѣрій,—сுவѣрныхъ обычаевъ, гаданій, примѣтъ. Они вѣрятъ въ сверхъестественную силу колдуновъ, по гаданіямъ и примѣтамъ узнають о пропажѣ вещей, о выходѣ въ замужество, предугадываютъ урожай или какое либо бѣдствіе.

При разсмотрѣннн вѣрованнй казанскнхъ татаръ въ баснословныя суцества, нхъ суевѣрныхъ обрядовъ и обычаевъ, можно замѣтитъ, что нѣкоторыя изъ этихъ повѣрнй, повндимому, не самостоятельнаго происхожденн, а заимствованы. Ой-эясе—домовой, причесывающнй себѣ волосы и занимающнйся пряжей, похожъ скорѣе на русскаго старичка, а не на татарина съ бритыми волосами. Абзаръ - эясе, живущнй въ стойлахъ и заплетающнй гривы лошадамъ, тоже, какъ и Ой-эясе, напоминаетъ русскаго домового, Убырь и Дну (пери) тоже не татарскаго происхожденн, а позаимствованы,—первыи не что иное какъ Унырь (вампнрь), а второй персидскаго происхожденн.

Сходство съ русскими повѣрьями есть и въ представленняхъ татаръ о лѣшемъ и водяныхъ въ разныхъ нхъ видахъ. Вѣра казанскнхъ татаръ въ киреметь обща всѣмъ приволжскимъ инородцамъ,—чувавамъ, черемисамъ, и какъ она впервые возникла,—сказать это конечно очень затруднительно. Наконецъ, нѣкоторыя изъ вѣрованнй казанскнхъ татаръ магометанскаго происхожденн, и о ннхъ говорится въ магометанскнхъ вѣроучительныхъ книгахъ. Такова, напр., вѣра въ джинновъ, суцества, составляющня нѣчто среднее между ангелами и людьми, живущня и въ воздухѣ, и среди людей, хотя и невидимыя. Такимъ образомъ нельзя всѣ излагаемыя ниже повѣрья отнести полностью въ разрядъ національныхъ татарскихъ повѣрнй. Многн изъ ннхъ принесены въ татарскую среду со стороны и только съ теченнемъ времени были усвоены татарами и получили въ области татарскнхъ вѣрованнй право гражданства.

Излагая мнѳологию казанскнхъ татаръ, мы должны замѣтитъ, что эта область—наименѣе другихъ изслѣдованная въ этнографической литературѣ и наиболѣе трудная. Намъ извѣстенъ лишь единственный довольно обстоятельный трудъ, который мы имѣли все время въ виду при собираннн мнѳологическихъ свѣдѣннй, съ ннмъ сопоставляли собранныя нами свѣдѣння и по немъ провѣряли нхъ. Это—статья г. Каюма Насырова подъ заглавнемъ: „Повѣрья и примѣты казанскнхъ татар“¹⁾.

Трудность изслѣдовання происходитъ отъ того, что многн изъ повѣрнй, какъ и у русскнхъ, среди татаръ начинаютъ терять свое значенн. Молодежь имѣетъ нерѣдко самое

---

¹⁾ «Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по отдѣлу этнографн». С.-Петербургъ. 1880 г. Т. 6-ой.

смутное представлѣніе о баснословныхъ существахъ и повѣрьяхъ, и только старики да старухи продолжаютъ вѣрить въ ихъ существованіе. Да и они дѣлятся своими свѣдѣніями неохотно и нерѣдко съ оговорками: теперь уже этому не вѣрятъ, или напр. въ такомъ видѣ: теперь лѣшаго или водяного нѣтъ. Образованные изъ татаръ, главнымъ образомъ въ магометанскомъ духѣ, при разговорахъ о вопросахъ міеологіи обыкновенно заявляютъ, что вѣдь ничего этого нѣтъ, желая этимъ указать на несерьезность міеологическихъ преданій.

Трудность собирать свѣдѣнія изъ области татарской міеологіи единолично побудила меня обратиться за помощью въ этомъ дѣлѣ къ нѣкоторымъ лицамъ, близко стоящимъ къ народной татарской средѣ. Въ настоящее время я считаю своимъ пріятнымъ долгомъ выразить глубокую благодарность всѣмъ лицамъ, которые оказали мнѣ то или иное содѣйствіе, а именно: священникамъ казанской епархіи о.о. Липидовскому и М. Чебешеву, мулламъ казанской губерніи Ф. М. Мухутдинову, Кяриму и Харису Маликовымъ, елабужскому муллѣ И. Хузяханову, мулламъ Бондюжскаго завода елабужскаго уѣзда Ш. Сюндюкову, учителямъ русско-татарскихъ училищъ елабужскаго уѣзда М. Сакаеву, А. Абдуллину, А. Мратову, К. Мратову, С. Исмагилову, К. Сахабитдинову, учителю мектеба тамбовской губерніи Латыфу Маликову, учителямъ народныхъ училищъ Э. Трофимову, Е. М. Медвѣдкову и Н. А. Туберовову. Путемъ сопоставленія, сравненія и провѣрки на мѣстахъ доставленнаго матеріала, а также путемъ свѣрки его съ статьей Абдуль-Каюма Насырова я, вѣжета, составилъ болѣе или менѣе правильное представлѣніе о народныхъ повѣрьяхъ казанскихъ татаръ, которое и излагаю ниже. Не могу въ заключеніе не высказать благодарности Н. О. Катанову, который обратилъ мое вниманіе на татарскую міеологію, какъ на очень интересный предметъ для изслѣдованія. Безъ этого совѣта или побужденія я колебался и сомнѣвался относительно значенія этого вопроса въ области этнографіи и потому откладывалъ это дѣло до неопредѣленнаго, во всякомъ случаѣ далекаго будущаго.

Соотвѣтственно характеру міеологическихъ представленій, они распределены мною на три части: 1) вѣрованія казанскихъ татаръ въ баснословныя (міеическія) существа; 2) повѣрья, ворожба и гаданія; 3) примѣты.

I.

Вѣрованія казанскихъ татаръ въ баснословныя существа.

Ой эясе (домовой).

Баснословныя существа, по вѣрованію казанскихъ татаръ, живутъ повсюду, — и въ домахъ, и въ полѣ, и въ лѣсу, и въ водѣ. Начнемъ описаніе ихъ съ существъ перваго разряда, живущихъ въ домахъ и во дворахъ, а потому ближе всѣхъ другихъ стоящихъ къ человѣку. Среди нихъ почетное мѣсто занимаетъ Ой эясе (домовой).

Ой эясе (хозяинъ дома, домовой) жилищемъ своимъ обыкновенно избираетъ подполье, откуда и выходитъ по ночамъ. Въ воображеніи татарина онъ рисуется старикомъ, носящимъ довольно длинные волосы. Домовой заботливый хозяинъ и, по признанію татаръ, даже полезная тварь. Онъ оберегаетъ домъ, въ предчувствіи бѣды всю ночь ходитъ, беспокоится и вздыхаетъ. Если случится какое либо несчастье ночью, напр., пожаръ, а люди спятъ, онъ будитъ ихъ, трясетъ за ноги или стучитъ.

Обыкновенныя занятія домового слѣдующія: ночью онъ чешетъ голову; иногда сбѣтъ рѣшстомъ муку, это — признакъ хорошій, обѣщающій богатство; воетъ домовой не къ добру, — это означаетъ приближеніе бѣдности. Можно слышать иногда, какъ домовой прядетъ ленъ, но самого домового въ это время не бываетъ видно. Домовой прядетъ только ту пряжу, которая остается на прялѣ неоконченной. Если кто нибудь послѣ него будетъ прядь эту пряжу, то непременно захвораетъ, поэтому лучше всего не оставлять на ночь пряжу на прялѣ, или уже, если необходимо оставить, то только перекинуть ее спереди назадъ на прялку, и тогда домовой прядь не будетъ.

При хорошихъ отношеніяхъ домовой бываетъ благодушнымъ, заботливымъ хозяиномъ. Полезно его иногда умиловать. Чтобы умиловать домового, хозяинъ дома долженъ давать милостыню. Эта милостыня раздается обыкновенно въ „русскій“ воскресный день и носитъ названіе „лѣшамбе садакасы“.

Когда домовый гнѣвается, а хозяинъ непытается ничѣмъ угодить ему, то съ обитателями дома могутъ происходить и несчастья, какъ то чесотка, чирьи и другія болѣзни; бываетъ и падежъ скота, хотя въ послѣднемъ случаѣ дѣйствуетъ уже Абзаръ эясы, а непосредственно домовый имѣетъ отношеніе только къ животнымъ, живущимъ въ домѣ, напр. къ кошкѣ. Въ особенности не нравятся домовому, когда кто либо мочится въ подполье;—въ этомъ случаѣ для его умилоствленія необходимо варить кашу, иначе не избѣжать опухоли и связанныхъ съ ней мучительныхъ болей. Не любитъ домовый, когда ему перечать. Напр., онъ имѣетъ обыкновеніе заплетать волосы, бороду не только себѣ, но и живущимъ въ домѣ. Не нужно ихъ расплетать, пока сами не расплетутся. Если же заплетенные имъ волосы и бороду расплетешь или, что еще хуже, отрѣжешь, то непременно или умрешь, или сдѣлаешься уродомъ, или приключится какое нибудь другое несчастье.

При выдѣленіи части семейства для жительства въ новый домъ необходимо соблюсти по отношенію къ домовому нѣкоторые обряды, своего рода умилоствленіе его или прощаніе съ нимъ, чтобы жизнь въ новомъ домѣ была спокойной и благополучной. Вотъ что для этого дѣлаетъ сынъ, отдѣляющійся отъ своего отца. Въ полночь онъ приходитъ съ хлѣбомъ въ домъ родителей, конечно съ согласія послѣднихъ, и спускается въ подполье. Тамъ, зажегши три свѣчи, онъ беретъ нѣсколько земли, уноситъ ее домой и высыпаетъ въ подполье новаго дома. При этомъ слѣдуетъ наблюдать, чтобы на пути никто не встрѣтился. Если кто нибудь встрѣтится, даже животное, то этотъ обрядъ становится бесполезнымъ и нужно изъ подполья вторично брать землю, чтобы достигнуть желаннаго результата,—счастливой и спокойной жизни въ новомъ домѣ.

Приведемъ разсказъ одного татарина дер. Балтачевой лаишевскаго уѣзда, казанской губ. о томъ, какъ онъ видѣлъ домового (Ой эясе).

„Однажды въ лунную ночь, проснувшись, я вижу предъ собою предметъ, похожій на человѣка. Я рѣшилъ, что это Ой эясе (домовой), и въ то же время постарался, чтобы онъ не замѣтилъ, что я не сплю. Домовой же въ эту минуту сидитъ себѣ спокойно на скамьѣ и прядетъ; звукъ веретена

слышенъ по всей комнатѣ. Онъ весь былъ бѣлый какъ полотно; голова у него была покрыта какъ будто длинными волосами, но черты лица я никакъ не могъ разобрать, потому что онъ сидѣлъ ко мнѣ спиной. Потомъ домовой, должно быть, почувствовалъ, что я не сплю, быстро всталъ, взялъ свою прялку и скрылся за печью“.

Другой рассказъ (его же).

„У насъ была бѣлая кошка, которой жилось хорошо и привольно. Послѣ нея мы завели черную, но сколько мы ее ни кормили, она всегда была худая. Мы постоянно удивлялись, почему у насъ кошка не поправляется, какъ бывшая бѣлая, потомъ начали догадываться, что ее навѣрное мучить домовой. И догадка эта оправдалась. Узналъ я объ этомъ такъ: разъ, возвращаясь съ поля, вхожу я въ избу и слышу, кто то шебаршитъ на печи; посмотрѣлъ я вездѣ, нѣтъ никого, а кошка вся измучена и лежитъ на полу. Это ее мучилъ домовой. Послѣ этого мы черную кошку отдали сосѣду, а сами завели опять бѣлую, и она у насъ была всегда сытая, жирная и веселая“.

Абзаръ эясе (хозяинъ хлѣвовъ).

Кромѣ хозяина дома—Ой эясе (домовой), по повѣрью казанскихъ татаръ, существуетъ еще Абзаръ эясе—хозяинъ хлѣва, обитающій на дворѣ или въ хлѣву. У русскихъ нѣтъ соответствующаго названія для Абзаръ эясе, такъ какъ, по рассказамъ русскихъ, обязанности послѣдняго несетъ тотъ же домовой, и у нихъ нѣтъ различія, какъ у татаръ, между домовымъ и хозяиномъ хлѣва. Это одно и то же существо.

По рассказамъ татаръ, Абзаръ эясе по преимуществу—властелинъ скота. Иногда Абзаръ эясе показывается людямъ въ образѣ чловѣка или животныхъ, но только издали и ночью. Къ скоту онъ имѣетъ ближайшее отношеніе. У любимой лошади онъ заплетаетъ гриву, приноситъ ей кормъ. Лошадь, которую почему либо Абзаръ эясе не взлюбитъ, онъ всю ночь мучитъ, всю ночь на ней ѣздитъ, отнимаетъ у ней кормъ, который передаетъ любимой лошади. Такія лошади дѣлаются скучными, худыми; ихъ лучше скорѣе всего сбить со двора, чтобы онѣ окончателно не погибли.

Вотъ что разсказаль одинъ татаринъ о дѣйствіяхъ Абзаръ эясе. „Мы при отцѣ держали гнѣдыхъ лошадей. Лѣтъ черезъ восемь, по смерти отца, я одного гнѣда зарѣзаль, такъ какъ подѣ старость онъ плохо работаль, а вмѣсто него купилъ хорошую вороную лошадь. Но сколько ни кормилъ я эту нововупву, она у насъ начала худѣть да худѣть. Грива у ней, какъ и у другихъ лошадей, была прекрасно завита при покупке, а теперь день ото дня развивалась и стала короткою. Черезъ годъ я продалъ эту лошадь уже только за полцѣны и купилъ другого гнѣда, который пришелся ко двору. Теперь я хорошо знаю, что на нашемъ дворѣ нельзя заводить скотины съ черною мастью—ни лошадей, ни коровъ, ни овецъ. Скотину съ черной мастью не любитъ Абзаръ эясе и губить ее.

Какъ и съ домовымъ, съ Абзаръ эясе нужно соблюдать хорошія отношенія, необходимо угождать ему и по временамъ умилоствлять его. Не любитъ особенно Абзаръ эясе, когда кто либо мочится въ колоду. Въ этомъ случаѣ, чтобы избѣжать бѣды, необходимо варить въ честь его кашу. Въ случаѣ сильнаго гнѣва Абзаръ эясе можетъ навести падежъ на скотъ.

Б и ч у р а.

Бичура—это баснословное существо, то же, что у русскихъ евикмора или „сосѣда“.

Бичура представляется татарину въ видѣ женщины—ростомъ отъ полутора до двухъ аршинъ; на голову у нея надѣтъ ирпакъ (старинный женскій татарскій головной уборъ).

Бичура живетъ въ жилихъ помѣщеніяхъ—на подволокахъ, въ подпольѣ и въ баняхъ, но не у всѣхъ, а только у нѣкоторыхъ хозяевъ. Нѣкоторые отводятъ для нея особую комнату, гдѣ ее поятъ и кормятъ. На ночь оставляется тарелка съ пищею и нѣсколько ложекъ. На утро въ тарелкѣ бичура ничего не оставляетъ, все съѣдаетъ. А если разсердится за что нибудь на хозяина, то разбиваетъ чашку, въ которой ей подается пища, и раскидаетъ все, что попадетъ ей подѣ руку.

Бичура нерѣдко во снѣ давить человѣка, любитъ внезапно пугать его и вообще озорничаетъ надѣ людьми. Вдругъ откуда ни возмись, пролетитъ кирпичъ, полѣно. Кто бросилъ полѣно, не знаютъ. Изъ-за Бичуры иногда бросаютъ дома: жить бываетъ нельзя, особенно одинокимъ. По татарскимъ разсказамъ,

одинъ мулла просто измучился съ Бичурой: то валенкой въ него пустить, то полѣномъ съ печки, то кирпичемъ изъ-за печки, просто бѣда да и только. Что дѣлать? У муллы было ружье. Онъ зарядилъ его еще днемъ, а къ вечеру положилъ его съ собою на постель. Какъ только наступила полночь, прилетѣлъ съ печки кирпичъ, прямо на постель въ муллѣ. Мулла, не думая долго, схватилъ ружье и выстрѣлилъ прямо на печку. Сколько однако мулла ни стрѣлялъ, а толку было все мало: валенки, ичиги, старая шапка, лучина такъ на муллу и сыпались. Вотъ однажды мулла лежитъ на постели и слышитъ голосъ съ печки: „Мулла, ты—человѣкъ грамотный, прочитай такую то молитву, тогда стрѣлай“. Мулла такъ и сдѣлалъ, прочиталъ молитву и выстрѣлилъ. Попалъ ли мулла въ Бичуру или нѣтъ,—неизвѣстно, но только послышался жалобный плачь съ печки. Съ той поры мулла спалъ спокойно: никто не швырялъ въ него всякою дрянью.

Какъ давить Бичура человѣка,—объ этомъ одинъ татаринъ передаетъ слѣдующій рассказъ, слышанный имъ отъ своего отца. „Въ 1863 г. мой отецъ служилъ мельникомъ на мельницѣ у помѣщика Юусова близъ дер. Мордвы. Одинъ разъ часовъ въ 11 ночи онъ пришелъ съ мельницы въ рабочій домъ, въ которомъ спали двое рабочихъ—русскій мужикъ съ своимъ пятнадцатилѣтнимъ сыномъ. Ровно въ двѣнадцать часовъ, когда мой отецъ еще не уснулъ, вдругъ съ потолка падаетъ женщина, ростомъ не болѣе полуаршина, на головѣ у ней ирпакъ; она подходитъ къ ногамъ моего отца. Отецъ быстро толкнулъ ее ногой, она упала на полъ со стукомъ, какъ будто бы упала на полъ двухпудовая гиря. Спустя нѣсколько минутъ послѣ этого, вдругъ русскій мальчикъ началъ тяжело дышать и произносить во снѣ разные пясные звуки, какъ будто съ нимъ былъ кошмаръ или кто нибудь давилъ его. Несомнѣнно давила мальчика упавшая съ потолка Бичура. Когда отецъ разбудилъ мальчика, то онъ сказалъ, что его во снѣ кто то сильно давилъ“.

Но Бичура не только давить людей во снѣ и занимается озорствомъ, она иногда бываетъ очень полезна. Полезна она тѣмъ, что приноситъ хозяину дома деньги и многое другое, въ чемъ пуждается хозяинъ. У кого живетъ Бичура, тотъ нѣрѣдко богатѣетъ, и наоборотъ, по изгнаніи Бичуры, онъ становится бѣднымъ. Объ этомъ существуетъ слѣдующій рассказъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ у указнаго муллы деревни Киски асты лаишевскаго уѣзда жила Бичура. Мулла богатѣлъ съ каждымъ днемъ. Денегъ и скота у него стало много. Скотъ былъ сытый и красивый. Оказалось, что Бичура приносила ему деньги ночью, ворую ихъ у сосѣдей, а лошадей кормила овсомъ изъ житницы сосѣдей. Когда мулла достаточно разбогатѣлъ, Бичура ему стала не нужна, надоѣла, и онъ рѣшилъ ее выпроводить изъ своего дома. Для этого мулла привезъ изъ одной деревни татарку ворожею, которая бы нашептываніемъ удалила Бичуру. Какъ только ворожея вѣхала во дворъ, загорѣлись у муллы надворныя строенія. Поджога и неосторожнаго обращенія съ огнемъ при этомъ не было. Черезъ пять-шесть часовъ мулла остался пицимъ. Все у него сгорѣло: и домъ, и имущество, и скотъ. Дома сосѣдей уцѣлѣли.

Баснословныя существа, обитающія въ лѣсу и въ полѣ.

Шуряле (лѣшій).

Шуряле имѣетъ жительство въ дремучихъ лѣсахъ. По внѣшнему виду онъ похожъ на человѣка; у него очень длинныя, крѣпкіе пальцы до трехъ вершковъ длины ¹⁾ и необычайно длинныя сосцы, которыя онъ закидываетъ черезъ плечо. По разсказамъ нѣкоторыхъ, Шуряле любятъ уводить человѣка въ самый глухой лѣсъ, гдѣ нѣкоторые неопытные люди погибаютъ. Послышится голосъ, какъ бы зовущій человѣка, — человѣкъ пойдетъ на этотъ голосъ, голосъ отдаляется, человѣкъ идетъ за нимъ все дальше и дальше и наконецъ заплутается. Такъ Шуряле заманиваетъ неопытныхъ людей къ себѣ. Впрочемъ двухъ человѣкъ или даже одного съ собакой Шуряле боится и нападаетъ только на одинокихъ.

Показываются людямъ Шуряле большею частью весною и лѣтомъ во время восхода и захода солнца. При встрѣчѣ съ человѣкомъ Шуряле называется по имени, иногда притворяется сбившимся въ лѣсу съ дороги и просить о помощи.

---

¹⁾ Его пальцы нерѣдко находятъ въ известнякѣ: татары обращаютъ ихъ въ лѣкарство, растирая въ порошокъ и посыная этимъ порошокомъ раны. У русскихъ они называются чертовыми пальцами.

Иногда плачетъ, а иногда весело разговариваетъ и смѣется, такъ что кого угодно можетъ расположить въ свою пользу.

На вопросы Шурыле никогда не отвѣчаетъ, но самъ любить спрашивать. Никогда не слѣдуетъ ему показывать зубы во рту. Какъ только Шурыле увидитъ зубы у человѣка, начинаетъ его щекотать и щечочетъ до смерти.

Имѣя длинные, крѣпкіе, какъ бы оловянные пальцы, Шурыле очень любитъ это занятіе — щекотать людей. Немало людей и животныхъ погибло отъ щекотающаго Шурыле. Каждому встрѣчному Шурыле предлагаетъ играть въ кытыкы-мытыкы (щекотку). Увидитъ человѣка, бѣжитъ за нимъ и еще издали кричитъ: кытый-кытый уйныйык,—давай въ щекотку играть. Игра эта—очень опасная. Сколько бы человѣкъ ни кричалъ, ни умолялъ о пощадѣ, Шурыле не перестанетъ его щекотать до тѣхъ поръ, пока человѣкъ не умретъ.

Умудренныя опытомъ люди говорятъ, что для спасенія отъ Шурыле нужно бѣжать въ ручью или рѣкѣ и перескочить черезъ нее. Шурыле боится воды и, не имѣя возможности перейти ручей или рѣчку, спрашиваетъ: „гдѣ начало рѣчки?“ Нужно показывать ему не начало рѣчки, а низъ. Шурыле, желая найти начало рѣчки, бросится бѣжать по берегу внизъ по теченію, дойдетъ до моря и вынужденъ бываетъ возвратиться ни съ чѣмъ. Если-же ему показать правильно начало рѣчки, онъ быстро обѣжитъ кругомъ нея и, поймавъ человѣка, защечочетъ его до смерти.

Нѣкоторые прибѣгаютъ къ хитрости такого рода. Встрѣвившись съ Шурыле, предлагаютъ ему играть въ щель. Шурыле соглашается. Тогда татаринъ ударомъ топора дѣлаетъ рѣзъ деревѣ щель и вставляетъ въ нее клинъ. Шурыле просунетъ палецъ въ щель и прищемитъ его деревомъ, если во время выхватить клинъ. Въ этихъ случаяхъ татаринъ обыкновенно называетъ себя именемъ „былтыръ кысты“ (прошлый годъ ущемилъ). Когда Шурыле завопитъ отъ боли, то онъ будетъ кричать: былтыръ кысты. Сбѣжавшіеся товарищи не поймутъ его и будутъ смѣяться надъ нимъ, потому что прошлый годъ уже прошелъ. Тѣмъ временемъ скрывшійся татаринъ успѣетъ убѣжать домой.

Шурыле—большой любитель ѣздить на хорошихъ лошадяхъ. Если на опушкѣ лѣса пасется табунъ лошадей, Шуры-

ле непремѣнно выбереть самага хорошаго коня и скачетъ на немъ до тѣхъ поръ, пока конь не издохнетъ. Когда лошадь съ поля возвращается потная, это значитъ—навѣрное на ней ѣздилъ Шуряле. Для того, чтобы отучить Шуряле мучить лошадей, нужно помазать лошади спину смолой. Шуряле сядетъ на нее, не можетъ оторваться отъ смолы и приѣзжаетъ въ деревню. Такъ изловили многихъ Шуряле, при этомъ однихъ сожгли въ банѣ или на кострѣ, другихъ умертвили палками. Но жителей такихъ деревень постигаетъ проклятіе Шуряле. Число дворовъ послѣ умерщвленія Шуряле не увеличивается, и жители влачатъ жалкое существованіе.

Вотъ нѣсколько рассказовъ о гибели Шуряле и о послѣдствіяхъ этого для лицъ, погубившихъ его. Жители одного починка, находившагося вблизи лѣса, много потерпѣвъ отъ нападеній Шуряле на ихъ лошадей, ухитрились поймать его. Они намазали спину самага хорошаго коня смолой и пустили въ табунъ. Къ вечеру видятъ, что на этомъ самомъ конѣ, сломя голову, скачетъ женщина (Шуряле). Конь, чуя на себѣ незнакомаго и страннаго всадника, полнымъ ходомъ прискакалъ прямо въ починокъ. Сбѣжалась вся деревня посмотреть на это чудовище. Шуряле сидѣлъ на лошади лицомъ назадъ и все ревѣлъ. На немъ не было никакого платья; голова маленькая, волосы короткіе, глаза большіе, груди какъ у женщины, висѣли черезъ плечо. На вопросы онъ не отвѣчалъ, а только ревѣлъ: былтыръ кысты (прошлый годъ прищемилъ).

При видѣ такого всадника сначала всѣ удивлялись и не знали, какъ съ нимъ поступить. Но затѣмъ, порѣшивъ на сходѣ, сожгли его на кострѣ. Предъ казнью Шуряле жалостно просилъ ихъ отпустить его, но они не исполнили его просьбы. За это Шуряле ихъ проклялъ. Жители этого починка теперь живутъ очень бѣдно. Число дворовъ не превышаетъ пятнадцати. Никто не имѣетъ двухъ избъ или стараго хлѣба. Что только ни заработаютъ, все до копейки пропиваютъ. Живутъ, не думая о завтрашнемъ днѣ и о дальнѣйшемъ существованіи. По ихъ же объясненію живется имъ такъ плохо потому, что ихъ праѣды казнили Шуряле, а Шуряле предъ казнью проклялъ ихъ самихъ и ихъ потомство. И вотъ теперь Богъ ихъ наказываетъ по просьбѣ Шуряле.

По рассказу въ другой вариациі, жители деревни, поймавъ Шуряле, долго не могли съ нимъ справиться. Цѣлымъ

обществомъ они начали его бить, но убить до смерти никакъ не могли его. Тогда они бросили Шурыле съ крутой горы, но онъ безъ всякаго вреда для себя скатился внизъ сидя, поднявши ноги вверху. Его опять поймали, привязали къ дереву и уже тогда сожгли. Послѣ этого въ той деревнѣ постоянно бываютъ пожары и ни въ чемъ нѣтъ прибыли. Лошадь послѣ сожженія Шурыле пропала.

Разсказовъ, подобныхъ приведеннымъ, очень много. Во всѣхъ этихъ разсказахъ однообразно передается о способѣ изловленія Шурыле, о его гибели; о проклятіи погубившихъ его и о послѣдующихъ несчастіяхъ съ жителями деревни, такъ что, когда татары видятъ захудалую маленькую деревню, то обыкновенно говорятъ: „Шурыле каргаган“,—Шурыле проклялъ.

А вотъ разсказъ одного татарина о томъ, какъ Шурыле завелъ его дѣда въ самую глушь лѣса.

„Пошелъ мой дѣдъ однажды въ лѣсъ работать. Лѣсъ тогда былъ не такой какъ теперь, а очень большой и густой. Когда онъ работалъ тамъ, ему послышался голосъ, который звалъ его къ себѣ. Дѣдъ мой былъ человѣкъ небоязливый и пошелъ на голосъ. Шелъ, шелъ, а голосъ какъ бы все дальше уходитъ въ глубь лѣса. Начало уже смеркаться, дѣдъ хотѣлъ повернуться домой, да не тутъ то было: идетъ, идетъ, а придетъ какъ будто на старое мѣсто. Такъ дѣдъ пропуталъ всю ночь, а изъ лѣсу все же не вышелъ. Вышелъ изъ лѣсу дѣдъ только въ полдень и то не къ своей деревни, а совершенно въ противоположную сторону—къ вотякамъ, верстъ за пятнадцать отъ нашей деревни.

Когда наступила ночь, а моего дѣда все еще не было дома, отецъ его и мать стали тревожиться. Собрали родныхъ и сосѣдей и отправились въ лѣсъ за дѣдомъ. Пришли въ лѣсъ, нашли то мѣсто, гдѣ работалъ дѣдъ, а его нѣтъ. Стали кричать—не отвѣчается, исзвать—нигдѣ нѣтъ. Порѣшили, что дѣдъ ушелъ въ сосѣднюю деревню къ роднѣ въ гости, и воротились домой. Но мать дѣда не успокоилась, а заставила утромъ мужа сходить къ муллѣ, чтобы онъ помолился Богу за сына, и при этомъ обѣщала Богу жертву, чтобы Богъ избавилъ ихъ сына отъ шайтана. Какъ только мулла помолился Богу, пришелъ и мой дѣдъ домой—тощій, даже какъ будто больной. Весь день дѣдъ спалъ, только на другой день

разсказалъ, какъ хитро Шуряле заманилъ его въ самый густой лѣсъ и какъ онъ плуталъ цѣлую ночь по лѣсу, ходя по голосу Шуряле, хотя самого Шуряле онъ не видѣлъ, и какой онъ изъ себя, дѣдъ сказать не могъ“.

У б ы р ь.

Убырь ¹⁾—это, по повѣрью татаръ, злое кровожадное существо, живущее нераздѣльно и въ связи съ человѣкомъ, даже какъ будто въ самомъ человѣкѣ. Люди, имѣющіе при себѣ Убыра, встрѣчаются большею частью среди женщинъ и носятъ названіе „убырлы кеше“ (человѣкъ съ Убыромъ). Такихъ людей можно узнать по тому, что на головной маковѣѣ у нихъ бываетъ углубленіе, и о такихъ людяхъ говорятъ: „башы тишекъ, бу убырлы икянь“ (такъ какъ у него на головѣ ямочка,—онъ съ Убыромъ, носитъ въ себѣ Убыра).

При жизни убырлы кеше Убырь нерѣдко оставляетъ во время сна того человѣка, съ которымъ связанъ. Какъ только человѣкъ, имѣющій Убыра, заснетъ, Убырь выходитъ черезъ печную трубу въ видѣ огненного шара. Онъ принимаетъ разные виды, ходитъ огненнымъ колесомъ, свиньей, черной кошкой, черной собакой. Въ виду того, что Убырь имѣетъ склонность влетать въ печныя трубы искрой, опытные люди совѣтуютъ трубы держать постоянно закрытыми.

Убырь не опасенъ для здоровья мужчинъ, даже избѣгаетъ встрѣчи съ ними, но въ общемъ, какъ увидимъ ниже, онъ приноситъ людямъ большой вредъ, въ особенности вреденъ для женщинъ, почему его стараются поймать и умертвить.

---

¹⁾ У русскихъ существуетъ приблизительно вѣрованіе въ такое же существо,—въ упыря, который высасываетъ кровь у спящихъ людей. Повѣрье это имѣетъ основаніе въ дѣйствительномъ существованіи особаго вида животныхъ изъ породы летучихъ мышей, т. наз. вампира или кровососа (*phyllostoma vespertin*), который по баснословнымъ разсказамъ многихъ народовъ, навѣвая пріятную прохладу, а съ нею крѣпкій сонъ на спящаго, высасываетъ у человѣка кровь, отчего человѣкъ умираетъ. Предполагаютъ, что слово вампиръ восточнаго происхожденія,—съ востока перешло на западъ и къ славянамъ. Изъ татарскихъ разсказовъ не видно, чтобы Убырь высасывалъ кровь у людей, хотя онъ признается крайне зловреднымъ и кровожаднымъ существомъ.

Но поймать Убыра не такъ легко, потому что Убырь имѣетъ способность быстро разсыпаться искрами, и моментально исчезать.

Одинъ старикъ открылъ секретъ, какъ можно поймать Убыра. Оказывается, для этого слѣдуетъ только распоротъ на себѣ рубаху, тогда кажущійся огненный шаръ падаетъ прямо къ ногамъ человѣка, распоровшаго рубаху, и превращается въ того человѣка, отъ котораго онъ отдѣлился. Затѣмъ онъ начинаетъ умолять, чтобы узнавшій его тайну не билъ его и не передавалъ никому о встрѣчѣ съ нимъ. При этомъ обѣщаетъ не причинять никакого зла ни ему, ни его роднымъ и знакомымъ, ни своту его. Если въ это время Убыра побить какъ слѣдуетъ, то утромъ убырлы кеше жалуется на боль въ костяхъ и долго хвораетъ, такъ что изъ-за Убыра приходится переносить побои и человѣку, спокойно спавшему на постели.

Существуетъ также относительно Убыра предупрежденіе такого рода: если въ собакеѣ или кошкѣ, которые ходятъ поздно около амбаровъ и кладовыхъ, заподозришь Убыра, то непременно слѣдуетъ проколоть глаза этому животному или по крайней мѣрѣ какъ нибудь поранить его. Если на самомъ дѣлѣ это Убырь, то съ проколотыми глазами или пораненной окажется не только собака или кошка, но и тотъ человѣкъ, который имѣетъ въ себѣ Убыра. Такъ узнается Убырь, и послѣ этого такого человѣка всячески избѣгаютъ, не входятъ съ нимъ ни въ какія сношенія.

Есть еще средство, кромѣ упомянутыхъ, узнать и изловить Убыра. Если, говоритъ народная мудрость, взять деревянные черемуховыя вилы или вообще двухъчастное дерево и, разломивъ развѣтляющіяся части, отдѣлить одну отъ другой, то Убырь обратится въ человѣка, станетъ предъ тобой на колѣна и станетъ просить о пощадѣ. Въ это время надо бить его сильнѣе, чтобы онъ больше не приходилъ.

Почему народныя легенды такъ подробно распространяются о томъ, въ какомъ видѣ является Убырь, какъ его узнать и какъ избавиться отъ него?

Можно думать, это находится въ зависимости отъ того, что Убырь признается крайне вреднымъ существомъ. Дѣйствія его можно приравнять къ дѣйствіямъ русскихъ колдуновъ, оборотней и т. д. Люди, носящіе въ себѣ Убыра, бываютъ

жадны и злы и, не довольствуясь своимъ, подъ разными видами выходятъ по ночамъ на кражу. Похищаютъ они разные драгоценности. Въ особенности опасны Убыры для женщинъ въ періодъ беременности. Они похищаютъ часто ребенка изъ утробы беременной женщины совершенно для нея безболѣзненно и прячутъ его. Послѣ родовъ они нерѣдко подмѣниваютъ ребенка до достиженія имъ сорокадневнаго возраста, безъ различія пола поворожденнаго. Во избѣжаніе этого при родахъ долженъ находиться кто нибудь изъ мужчинъ ¹⁾).

Что они дѣлаютъ съ жещинами, то же самое происходитъ со скотомъ—съ стельными коровами, жеребными лошадьми, суйгными овцами. Убыры похищаютъ телятъ, жеребятъ и ягнятъ. Большой вредъ Убырь приноситъ также въ томъ отношеніи, что сосеть коровъ и кобылицъ, послѣ чего животныя долгое время болѣютъ, а если были стельными, то происходитъ выкидышъ.

Помимо всего этого Убырь можетъ портить людей, наводить на нихъ разнаго рода болѣзни. Однихъ дѣлаетъ сухорукими, другимъ прививаетъ разные болячки и пузыри, иныхъ превращаетъ въ кликуновъ и кликушъ. Иной разъ человѣкъ до того влечетъ, что и самъ не знаетъ, что говорить. Противъ послѣдней болѣзни рекомендуется слѣдующее средство: когда человѣкъ начинаетъ выкликать, надо снять съ потной лошади хомутъ и надѣть на того человѣка, который влечетъ; тогда этотъ человѣкъ выздоравливаетъ и скажетъ, кто его испортилъ.

По сообщенію г. Каюма Насырова у татаръ особенно много разсказовъ объ Убырь-старухѣ. По этимъ разсказамъ, Убырь-старуха живетъ обыкновенно въ избушкѣ, въ глухомъ заброшенномъ мѣстѣ. Никто у ней не бываетъ за исключеніемъ заблудившихся и молодцовъ-богатырей, которые безстрашно сами ищутъ Убырь-старуху, чтобы узнать что либо отъ нея, или изъ простаго любопытства. Такіе молодцы не

---

¹⁾ По сообщенію г. Насырова Убырь давитъ людей во время сна. На вопросъ объ этомъ мы получали отрицательный отвѣтъ отъ татаръ. Повадку давить людей во время сна татары относятъ, поскольку мнѣ пришлось слышать, исключительно къ Бичурѣ и Албасты, о которомъ будетъ сказано ниже.

дѣлають Убырь-старухѣ обычнаго саляма, а если старуха на это разсердится и захочетъ убить ихъ, они однимъ взмахомъ сабли порѣшаютъ ее. Если посѣтительница Убырь-старухи женщина, то старуха испытываетъ ее въ честности. Добродѣтельную и честную награждаетъ, даритъ ей сундукъ съ драгоценностями, а нечестную наказываетъ; тоже даритъ ей сундукъ, но только не съ драгоценностями, а со змѣей, которая жалитъ ее на смерть, какъ только она откроетъ сундукъ.

По смерти человѣка, имѣющаго Убыра, злыя дѣйствія послѣдняго не прекращаются: Убырь не оставляетъ своего спутника и живетъ при немъ въ могилѣ. Убырлы-кеше послѣ смерти проглатываетъ свой саванъ и устраиваетъ для себя изъ могилы выходъ на подобіе норы, откуда и выходитъ по ночамъ. Говорятъ, что на всѣхъ могилахъ покойниковъ, которые имѣли при жизни Убыра, бываетъ отверстіе сверху до самого рта покойника, черезъ которое онъ будто бы дышетъ и выходитъ по ночамъ, чтобы кого либо заколдовать, напортить или же что нибудь похитить.

Разсказываютъ объ этихъ Убырахъ, что они будто-бы изъ своихъ могилъ проглатываютъ облака съ неба, отчего происходятъ гибельныя засухи.

Для того, чтобы уничтожить эту враждебную силу, необходимо могильное отверстіе Убыра набить коннымъ пометомъ и крѣпко навѣрно заколотить дубовымъ коломъ. А еще вѣрнѣе и лучше будетъ, если, выкопавъ покойника, положить его навзничъ и пробить черезъ спину и грудь дубовымъ коломъ. Въ этомъ случаѣ уже навѣрняка можно сказать, что Убырь больше не появится и такимъ образомъ вредоносная его дѣятельность прекратится.

А л б а с т ы .

Именемъ Албасты ¹⁾ у татаръ называется нечистая сила или злое существо, живущее и являющееся людямъ преимущественно въ нежилыхъ домахъ, въ пустыряхъ, на поляхъ и въ

---

¹⁾ Слово Албасты происходитъ отъ аль—рука и басмакъ—давить: существо, давящее кого либо рукою; или отъ алтъ—передъ и басмакъ—давить: существо, давящее «передъ», т. е. грудь.

логахъ. Много рассказовъ объ этой злой силѣ какъ у татаръ магометанъ, такъ и у крещенныхъ, но рассказы эти чрезвычайно однообразны.

Является людямъ Албасты въ видѣ человѣка, а больше всего въ видѣ большого воза, копны, стога, скирда, елки ¹⁾ и т. д. Опасность отъ Албасты заключается въ томъ, что она можетъ задавить человѣка на смерть, при чемъ еще пьетъ иногда у него кровь ²⁾.

Когда Албасты давить человѣка, то послѣдній чувствуетъ сильное сердцебиеніе и удушье. „Однажды, рассказываетъ одинъ ученикъ казанскаго медресе, въ мѣсяцъ Рамазанъ ночью послѣ ужина я легъ спать. Во снѣ я видѣлъ, что иду въ мечеть на молитву. Когда я вошелъ въ мечеть, мулла и народъ уже молились. Вдругъ я увидѣлъ очень большого здороваго старика нищаго, который грубо подошелъ ко мнѣ и началъ меня давить. Давилъ онъ меня такъ сильно, что я не могъ дышать. Я задыхался и терялъ сознание. Хотѣлъ было я кричать о помощи, но крикъ не выходилъ изъ горла; черезъ нѣсколько времени Албасты ушелъ и я, вскрикнувъ отъ испуга, проснулся. Я чувствовалъ себя измученнымъ, усталымъ и на другой день захворалъ“.

---

¹⁾ По сообщенію г. Насирова Албасты является въ видѣ человѣка, а въ видѣ копны или стога является особое существо Уракъ. По нашему мнѣнію, это утвержденіе не отличается правильностью. По татарскимъ рассказамъ, Албасты, какъ существо давящее, отличается грузностью и естественно является въ видѣ копны, стога и т. д., хотя показывается иногда людямъ и въ видѣ человѣка. Уракъ въ рассказахъ татаръ изображается въ видѣ человѣка. Да такъ и должно быть, потому что Уракъ, судя по многимъ даннымъ, есть не что иное, какъ душа человѣка умершаго насильственной смертью.

²⁾ За положеніе, что Албасты пьетъ кровь человѣка, мы не ручаемся, основываясь въ данномъ случаѣ на довѣріи къ г. Насирову. Одни изъ татаръ утверждаютъ, что кровь человѣка пьетъ Албасты, другіе (меньшинство и неуверенно)—Убиръ, наконецъ третьи совершенно несомнительно относятъ это свойство къ Ураку. Естественно всего было бы это свойство приписать Убирю—въ виду родственныхъ повѣрій у другихъ народовъ, но большинство рассказовъ совершенно отрицаютъ это свойство въ отношеніи Убира и приписываютъ его скорѣе Албасты, существу провозвѣстному, какъ и Убиръ. Оставляя этотъ вопросъ открытымъ, мы тѣмъ не менѣе изъ означенн. указанныхъ данныхъ болѣе склоняемся къ утверженію г. Насирова.

Впрочемъ не всегда Албасты давить человѣка, иногда человѣкъ отдѣливается испугомъ, и Албасты существеннаго вреда ему не приносятъ, хотя и покажется ему на время, какъ это можно видѣть изъ слѣдующаго разсказа одного татарина.

Ѣхаль онъ зимою отъ города Казани въ свою деревню въ ночное время. Не доѣзжая до деревни какихъ нибудь двѣ—три версты, видитъ, что по обѣимъ сторонамъ его идутъ два стога сѣна, а возлѣ этихъ стоговъ что то свѣтится. Присмотрѣвшись внимательнѣе, татаринъ ужаснулся, признавъ въ стогахъ Албасты. Онъ началъ погонять лошадь, но сколько ни ѣхаль, никакъ не можетъ проѣхать стоговъ со свѣтомъ возлѣ нихъ. Убѣдившись окончательно, что его преслѣдуетъ Албасты, отъ испуга онъ еще сильнѣе погналъ лошадь, по безuspѣшно.

Послѣ двухъ-трехчасовой гонки онъ подѣзжаетъ къ темному лѣсу, какаго и не было въ этой мѣстности. Слышитъ звуки музыки, звонъ колоколовъ, отдаленные человѣческіе голоса, мычаніе коровъ, ржаніе лошадей и т. п. Еще сильнѣе испугался нашъ бѣдный татаринъ и съ молитвой поѣхаль дальше. А стоги со свѣтомъ не отстаютъ отъ него ни на шагъ, все сопровождаютъ его. Посмотрѣлъ кругомъ, — тѣ же стоги и тотъ же свѣтъ около нихъ. Теперь онъ потерялъ всякую надежду на избавленіе. Нападетъ, думаетъ про себя, Албасты и задавить. „Ну будь, что будетъ!“ Легъ онъ въ кошеву и пустилъ лошадь на волю...

Слышитъ, вдругъ пропѣли пѣтухи и моментально исчезли и два стога, и свѣтъ возлѣ нихъ. Послѣ этого лошадь, почувствовавъ облегченіе, побѣжала уже не рысью, а прямо вскачь, такъ что нельзя было удержать ее. Наконецъ онъ пріѣхаль въ незнакомую деревню и не можетъ узнать, гдѣ онъ. Послѣ долгихъ соображеній догадался, что это та самая деревня, черезъ которую онъ проѣзжалъ еще днемъ.

Собравъ послѣднія силы, татаринъ поѣхаль въ свою деревню. Между тѣмъ уже стало свѣтло. Когда онъ ѣхаль, все смотрѣлъ по сторонамъ, дивился на слѣды своихъ саней и вспоминалъ о своемъ ночномъ путешествіи. Тутъ онъ оправился и, почувствовавъ свое освобожденіе отъ Албасты, благополучно пріѣхаль въ свою деревню. Отъ этого нападенія Албасты татаринъ захворалъ и едва не умеръ. Еслибы въ

ту ночь не прошѣли пѣтухи во время, гибель его вѣроятно была бы неминуема.

У р я к ъ.

Подъ именемъ Уряка у татаръ разумѣется баснословное существо, преимущественно живущее тамъ, гдѣ былъ убитъ человѣкъ, на мѣстахъ, обогрѣнныхъ человѣческой кровью. Въ виду отсутствія выдающихся характеристическихъ чертъ Убыра, Албасты и Уряка и возможности смѣшать ихъ, отмѣтимъ нѣкоторыя наиболѣе яркія особенности каждаго изъ нихъ и установимъ между ними разницу.

Различіе между Урякомъ и Албасты заключается въ томъ, что Урякъ является людямъ исключительно *въ видѣ челоуька*, тогда какъ Албасты показывается въ видѣ какого либо воза, копыи слога и т. п. Албасты является во многихъ мѣстахъ, — въ полѣ, въ лѣсу и проч., а Урякъ только на мѣстѣ насильственной смерти челоуька. Затѣмъ Албасты существуетъ и дѣйствуетъ самостоятельно, вѣ челоуька и независимо отъ него, между тѣмъ какъ Урякъ повидимому бываетъ тѣсно связанъ съ существомъ челоуька и появляется на могилахъ насильственно умершихъ людей.

Въ отношеніи зависимости отъ челоуька есть нѣкоторое внѣшнее сходство между Урякомъ и Убыромъ. Убырь, какъ и Албасты, тоже отдѣльное существо, но подобно Уряку живущее въ связи съ челоуькомъ, лишь по временамъ отдѣляющееся отъ него. Убырь дѣйствуетъ не только послѣ смерти, но и при жизни челоуька. Урякъ, повидимому, не представляетъ отдѣльнаго отъ челоуька существа, а есть тотъ же челоуькъ или его духовная сущность, — душа, начинающая жпть самостоятельно послѣ смерти челоуька.

Къ этой мысли склоняется и г. Насыровъ, производя имя Урякъ отъ слова „урмякъ“ — дуть. Въ виду того, что, по его словамъ, нѣтъ спеціально татарскаго названія для обозначенія души, а есть только персидское слово „джанъ“, — то онъ вполне допускаетъ, что словомъ Урякъ татары до принятія ислама обозначали душу. И теперь въ случаѣ испуга или сильнаго волненія татары употребляютъ выраженіе: „урягымъ купты“ — мой Урякъ поднялся. Слѣдовательно, Урякъ имѣется у каждаго челоуька.

Признавая это предположеніе г. Насырова вполне правдоподобнымъ,—въ объясненіе того, почему Урякъ появляется только на могилахъ насильственно умершихъ людей, можно замѣтить, что вообще по народнымъ представленіямъ духъ умершаго неестественною смертію человѣка не находитъ себѣ успокоенія и бродитъ въ этомъ мірѣ. Лишнимъ доводомъ въ пользу того, что подъ Урякомъ разумѣется душа, можетъ служить то обстоятельство, что татары до сихъ поръ мѣстопробываніемъ души считаютъ кровь или даже больше того—самую душу считаютъ за кровь. Естественно конечно Уряку и жить на мѣстахъ, обогранныхъ человѣческою кровію, какъ гласятъ о томъ татарскія легенды. Во всякомъ случаѣ въ рассказахъ объ Урякѣ сказываются смутныя представленія доисламическихъ татаръ о человѣческой душѣ. Теперь Урякъ рисуется въ воображеніи татарина въ качествѣ отдѣльнаго баснословнаго существа, живущаго на могилахъ насильственно умершаго человѣка.

Въ отношеніи къ людямъ между Убыромъ, Албасты и Урякомъ тоже есть существенная разница. Албасты и Убырь—вредоносныя существа. Албасты можетъ задавить человѣка, а Убырь кромѣ того приноситъ много вреда, когда бродитъ ночью въ видѣ свиньи, кошки, собаки и т. д. Урякъ самъ собою большого вреда причинить не можетъ. Говорятъ, что онъ отнимаетъ у человѣка сознаніе, сбиваетъ иногда съ пути, любитъ иногда подсѣсть въ сани или телѣгу и покататься, причемъ лошади отъ этого бываетъ очень тяжело. Несмотря на то, что Урякъ не причиняетъ крупнаго вреда человѣку, онъ внушаетъ татарину сильнѣйшій страхъ. Татары стараются на далекомъ разстояніи обходить могилы умершихъ насильственной смертію людей и видятъ Уряка только издалека или только слышатъ его раздирающій душу вопль.

Если Урякъ находится вблизи человѣка и не желаетъ отстать отъ него, то освободиться отъ него можно только нехорошими брашными словами. Въ Уряка вѣрують и крещенные татары. Вотъ что рассказала одна крещеная татарка о встрѣчѣ съ Урякомъ.

Бѣжала она однажды днемъ по опушкѣ лѣса. Кругомъ было тихо; никого во всю дорогу она не встрѣтила. На пути лежалъ логъ съ довольно большимъ мостомъ черезъ него. Этотъ мостъ носитъ названіе „Джинъ кўпере“ (мостъ джина;

черта). Когда она подѣзжала къ мосту, вдругъ видитъ, что на мосту стоитъ человекъ, одѣтый въ бѣлый черемисскій костюмъ, облокотившись на перила моста, съ пестеремъ на плечахъ и палкой въ рукахъ. Тихо спустилась татарка въ логъ и, не обращая вниманія на необыкновеннаго странника, вздумала его объѣхать. Но не тутъ то было. Странникъ началъ ее просить, чтобы она посадила его съ собой, но она поѣхала себѣ впередъ. Странникъ все стоялъ въ одномъ положеніи, облокотившись по прежнему на перила моста. Женщина поднялась изъ лога и вздумала посмотрѣть на него. Въ этотъ моментъ странникъ, обратившись въ круглый огненный шаръ, кубаремъ скатился къ телѣгѣ и, обратившись въ маленькую дѣвочку, вмгъ очутился на телѣгѣ.

Какъ только сѣла эта маленькая дѣвочка въ телѣгу, лошадь остановилась. Женщина начала съ испуга призывать на помощь святыхъ, стала читать молитвы, которыя знала, а дѣвочка все не слѣзаетъ съ телѣги. Вытаращила глазенки и спитъ себѣ спокойно. Женщина начала гвать лошадь; но лошадь плетется, какъ будто везетъ возъ въ пятьдесятъ пудовъ, а на самомъ дѣлѣ въ телѣгѣ сидѣла только маленькая дѣвочка. Лошадь устала до невозможности, вся покрылась пѣною и ежеминутно останавливалась. Убѣдившись въ томъ, что это—не простая дѣвочка, женщина стала отъ страха терять сознание. Все время она читала молитвы: „Отче нашъ“, „Достойно“, „Богородицу“. Но и чтеніе молитвъ нисколько не помогало.

Тогда женщина осердилась и всячески начала ругать дѣвочку и бить ее палкой, сопровождая каждый ударъ прозвнесеніемъ печатной ругани. Послѣ этого дѣвочка слѣзла съ телѣги и начала пугать женщину, говоря ей, что она не возвратится домой живою. Услышавъ это, женщина, ободренная нѣсколько тѣмъ, что дѣвочка слѣзла съ телѣги, стала снова бить ее палкой и осыпать бранными словами. Накопецъ, и сама уже начала выбиваться изъ силъ. Бросила ее, сѣла въ телѣгу и поѣхала дальше, а дѣвочка все бѣжитъ за ней, не отставая отъ нея ни на шагъ. Такъ женщина мучилась съ дѣвочкой около двухъ часовъ.

Но вотъ она вспомнила, что въ этихъ случаяхъ необходимо перенречь лошадь головой къ телѣгѣ. Такъ она и сдѣлала. Необыкновенная дѣвочка послѣ этого моментально исчез-

ла. Въ такой странной запряжкѣ женщина въ страхѣ сидѣла около получаса времени. Послѣ этого опять перепрягла лошадь по прежнему и поѣхала. Такимъ образомъ избавилась она отъ Уряка и благополучно приѣхала въ свое село.

Баснословныя существа, обитающія въ водѣ.

Подобно тому, какъ въ поляхъ и въ лѣсахъ, по вѣрованіямъ татаръ, живутъ въ большомъ количествѣ разныя странныя необыкновенныя существа, которыя являются распорядителями и хозяевами этихъ мѣстъ,—точно такъ же и въ водныхъ пространствахъ есть свои владельцы и обитатели, которые иногда въ человѣческомъ видѣ является людямъ. Существа эти слѣдующія: Сму бабасы (водяной дѣдъ), Сму эясе (водяной хозяинъ), Сму анасы (водяная мать).

Ихъ этихъ трехъ существъ составляются въ водныхъ пространствахъ семейства. Народныя легенды и рассказы не выясняютъ достаточно, какъ нужно представлять взаимоотношеніе этихъ существъ между собою. По однимъ рассказамъ можно думать, что Сму бабасы—главный хозяинъ водныхъ пространствъ, Сму анасы—его жена, Сму эясе—его сынъ, находящійся у него въ полномъ подчиненіи. На основаніи другихъ рассказовъ можно предполагать, что Сму бабасы уже отживающій свой вѣкъ старикъ, хотя еще вѣрно держащій власть въ своихъ рукахъ, но уже значительную долю ея уступившій своему сыну, имѣющему жену—Сму анасы.

Въ первомъ случаѣ Сму эясе изображается глуповатымъ, робкимъ, неопытнымъ, хотя и бойкимъ юношей, исполняющимъ только приказанія своего отца. Во второмъ случаѣ онъ въ воображеніи татарина является уже взрослымъ мужчиной, который можетъ проявлять самостоятельно свою силу и власть; хотя не всегда разумно и умѣстно. Какъ бы то ни было, если народное воображеніе въ водяномъ царствѣ допускаетъ семьи, то вполне естественно, что семейства этихъ существъ увеличиваются. Есть, значить, тамъ старики и дѣти, есть жены и есть юноши и дѣвушки, исполняющіе приказанія взрослыхъ.

Народные рассказы настолько слабо разбираются въ опредѣленіи этихъ существъ, что смѣшиваютъ иногда Сму эясе

и Сьу анасы, произвольно относятъ эти названія къ одному и тому же лицу, хотя, какъ заключаетъ и г. Насыровъ, странно относить къ одному и тому же существу столь противоположныя имена (муж. и жен. рода). Въ старину вѣроятно точнѣе представляли понятія, соединенныя съ этими названіями.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о каждомъ изъ упомянутыхъ водяныхъ существъ.

1) *Сьу бабасы* (водяной дѣдъ). Это существо представляется въ воображеніи татарина старикомъ, въ подчиненіи котораго находятся водныя пространства извѣстной мѣстности. Онъ живетъ въ самыхъ глубокихъ мѣстахъ. Изъ народныхъ разсказовъ не видно, чтобы онъ когда либо выходилъ на берегъ. Если же легенды и говорятъ объ этомъ, то въ своихъ дѣйствіяхъ въ это время онъ ничѣмъ не отличается отъ Сьу эясе и Сьу анасы, которые занимаютъ на берегу тѣмъ, что причесываютъ золотымъ или серебрянымъ гребнемъ свои длинныя волосы.

Когда человѣкъ купается или упадетъ въ воду въ глубокомъ мѣстѣ, Сьу бабасы уносятъ его, и тамъ человѣкъ погибаетъ. Поэтому, когда утонетъ человѣкъ, обыкновенно говорятъ „Сьу бабасы или Сьу эясе алганъ“, т. е. „водяной дѣдъ или водяной хозяинъ взялъ“.

Закамскіе татары разсказываютъ, что имъ приходится видѣть въ одномъ глубокомъ озерѣ Сьу бабасы, превращеннаго въ дѣвушку. Вѣроятно же всего, это плодъ смѣшенія Сьу бабасы и Сьу эясе съ Сьу анасы, о чемъ мы сказали выше.

Существенной разницей между Сьу бабасы и Сьу эясе, кромѣ возраста, служитъ также и то, что Сьу бабасы серьезнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ. Онъ не поднимаетъ напрасно бурю и не причиняетъ безпричинно вреда людямъ, но въ случаѣ гнѣва онъ дѣйствительно можетъ причинить несчастіе людямъ, можетъ поднять бурю и потопить людей, прорвать плотину на мельницѣ, а также можетъ насылать на людей болѣзнь. Такъ, напримѣръ, на тѣлѣ человѣка появляются иногда водянистые пузырьки. Эту болѣзнь всегда приписываютъ водяному, — Сьу бабасы и Сьу эясе безразлично. Чтобы умилостивить его, татары смѣшиваютъ горсть крупы съ солью и бросаютъ въ рѣку или ключъ. Послѣ этого болѣзнь проходитъ. Нѣкоторые въ случаѣ появленія болячекъ на тѣлѣ заворачиваютъ одну полбенную крупу безъ соли въ тряпицу и пускаютъ въ воду со

словами: „каян килден, шунда кит, эягя итеб бир“ — „откуда пришелъ, туда иди; отдай хозяину“. Болѣзнь тоже проходить. Называется этотъ обрядъ—тозь-жарма жибяреу (приношеніе соли и крупы).

Умилостивляютъ татары водяного и въ томъ случаѣ, если имъ приходится пить или брать воду изъ рѣки въ первый разъ. Женщины въ этихъ случаяхъ выдергиваютъ волосъ изъ головы и бросаютъ въ воду, а мужчины бросаютъ волосъ, выдернутый изъ бороды. Это—плата водяному за воду.

2) *Сыу эясе* (водяной хозяинъ). Сыу эясе бываетъ вездѣ, гдѣ только есть вода—рѣка, озеро или ручей. Это менѣе почтенное существо, чѣмъ Сыу бабасы, и своей властью пользуется часто легкомысленно и неразумно. Очень часто онъ сердится и въ порывѣ необузданнаго гнѣва рветъ плотины на мельницахъ, угоняетъ рыбу отъ рыбаковъ, схватываетъ людей и скотину и въ водѣ давитъ ихъ. Водяной хозяинъ сердитѣе дѣдушки. Дѣдушка, хотя и старше хозяина, но не злоупотребляетъ своей силою, степеннѣе хозяина, никого напрасно не обижаетъ. Водяной же хозяинъ, когда сердится, ничего не соображаетъ. Въ особенности большой вредъ онъ приноситъ тѣмъ, что прорываетъ плотины на мельницахъ. Иная мельница, жалуются нерѣдко татары, сколько лѣтъ стояла въ самую полную воду и все обходилось благополучно, а тутъ Сыу эясе ни съ того ни съ сего разсердился, прорветъ плотину, и мельница остается безъ воды.

Одинъ старый татаринъ такъ объяснялъ причину гнѣва хозяина. Онъ сердится сильно въ тѣхъ случаяхъ, когда разсорится съ женой изъ-за ея ревности: ревнуетъ ли хозяйка его къ Сыу бабасы, превращенному въ дѣвушку, или просто по временамъ на нее дурь находить, но только причина его гнѣва въ ней; она черезчуръ донимаетъ его и доводитъ до сильнаго раздраженія. Способы умилостивленія Сыу эясе тѣ же, что и Сыу бабасы, о которыхъ сказано выше.

Судя по описаннымъ дѣйствіямъ Сыу эясе, его слѣдовало бы представлять въ видѣ мужчины, но въ народныхъ разсказахъ, когда онъ изображается являющимся людямъ, онъ вездѣ рисуется какъ женщина. Сыу эясе, по этимъ разсказамъ, очень сходенъ съ Сыу анасы, и татары плохо ихъ различаютъ. Какъ и Сыу анасы, Сыу эясе является людямъ на берегу въ образѣ сидящей женщины съ длинными волосами,

которая чешетъ золотымъ гребнемъ волосы. Онъ не имѣетъ бровей. Потому, у кого маленькіе брови, того называютъ Сму эясе. Если тихонько подойти къ нему, онъ испугается и гребень оставитъ на берегу; поэтому къ рѣкѣ нужно подходить, подавая голосъ. Если взять его гребень, то онъ ночью подходить къ окну и проситъ свой гребень словами: „отдай мой золотой гребень“. Ходитъ и проситъ до тѣхъ поръ, пока не отнесешь гребня на берегъ. Нерѣдко Сму эясе покупаетъ на базарѣ фрукты и ѣсть ихъ; денегъ у него много.

Насколько глуповать и неопытенъ Сму эясе, когда онъ въ молодыхъ лѣтахъ, это можно видѣть изъ слѣдующаго разсказа, весьма похожаго на русскіе разсказы въ этомъ родѣ и, быть можетъ, даже заимствованнаго у русскихъ. Одинъ татаринъ началъ вить веревки на берегу рѣки или озера. Къ нему вышелъ водяной (Сму эясе) и спрашиваетъ: „Что ты дѣлаешь?“ Татаринъ отвѣчаетъ ему: „Хочу воду къ небу привѣситъ и всю рѣку высушить. Водяной сталъ умолять не губить его и его сотоварищей, не оставлять ихъ безъ воды. Тогда татаринъ проситъ водяного наложить ему полную шапку денегъ. Водяной пошелъ въ воду за денгами, а татаринъ въ это время вырылъ яму, надъ ямой поставилъ дырявую шапку. Водяной сталъ сыпать деньги въ шапку, а деньги сыпались изъ шапки въ яму; наполнились денгами и яма, и шапка. Тогда татаринъ отъязался отъ своего намѣренія привѣситъ къ небу воду, и всѣ водяные остались живы.

3) *Сму анасы* (водяная мать)—это водяное существо женскаго пола, то же приблизительно, что по русскимъ легендамъ русалка. Въ татарскихъ разсказахъ она изображается въ качествѣ жены Сму бабасы или Сму эясе. Сму анасы чаще другихъ водяныхъ существъ является на берегу людямъ, и поэтому о вѣншемъ ея видѣ имѣются болѣе опредѣленныя свѣдѣнія. Сму анасы имѣетъ видъ человѣка. Тѣлосложеніе у ней не особенно складное, коса черная, длинная—чуть не до земли. Голова большая и продолговатая. Глаза большіе, черные, выпуклые. Тѣло имѣтъ цвѣтъ нѣсколько красноватый. Грудь у ней широкая, выдающаяся впередъ.

Какъ и Сму эясе (водяной хозяйш), Сму анасы является людямъ причесывающей свои длинные волосы, иногда забываетъ свой золотой или серебряный гребень и приходитъ за нимъ къ тому, кто взялъ этотъ гребень. Всѣ эти и подобныя

разказы относятся къ Сыу анасы даже болѣе, чѣмъ къ Сыу эясе, и только по какому то недоразумѣнію и повидимому вслѣдствіе позднѣйшаго смѣшенія этихъ двухъ существъ, стали относить къ нимъ одни и тѣ же разказы.

Сыу анасы обитаетъ какъ въ большихъ, такъ и малыхъ рѣкахъ. Если человѣкъ ей попадаетъ въ руки, то она уже его не отпуститъ. Ловитъ она людей вечеромъ, когда они купаются,—можетъ схватить человѣка также днемъ. Говорятъ, что Сыу анасы питается человѣческимъ мясомъ. Поэтому она внушаетъ людямъ большой страхъ. Матери пугаютъ малыхъ дѣтей, угрожая, что имъ явится Сыу анасы и утащитъ ихъ, если они пойдутъ одни на рѣку купаться.

Впрочемъ, если умиловитъ Сыу анасы, то въ нѣкоторыхъ случаяхъ она можетъ быть и доброй. Существуетъ по этому поводу слѣдующій разказъ. Одна водяница (Сыу анасы) явилась мельнику и просила его о томъ, чтобы онъ доставилъ ей человѣка. Когда мельникъ отказывался исполнить ея просьбу, она угрожала ему прорвать мельничный прудъ. Дѣйствительно водяница нѣсколько разъ прорывала мельницу, и это было очень разорительно. Наконецъ, хозяинъ мельницы рѣшился удовлетворить ея просьбу. Давъ одному охотнику денегъ, онъ попросилъ его привести для водяницы мальчика.

Однажды подкупленный охотникъ взялъ съ собою 14—15 лѣтнаго мальчика и пошелъ съ нимъ охотиться на прудъ. Охотились они почти до вечера. Подъ вечеръ парень убилъ одну утку. Чтобы достать утку изъ пруда, онъ, по совѣту охотника, снялъ съ себя платье и вошелъ по колѣна въ воду. Вдругъ мальчика не стало въ водѣ. Онъ утонулъ, несмотря на то, что и плавать хорошо умѣлъ. На другой день мальчика нашли мертвымъ вовсе не на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ упалъ. На этомъ основаніи предположили, что его унесла водяница.

Послѣ этого случая та же водяница пришла поблагодарить мельника и даже приглашала его въ гости къ себѣ. Долго мельникъ не соглашался къ ней идти въ гости. Водяница начала являться по десяти разъ въ день. Волей-неволей мельнику пришлось согласиться, идти въ гости. Предъ тѣмъ, какъ идти къ ней, водяница предупредила мельника, чтобы онъ на берегу рѣки закрылъ глаза. Мельникъ рѣшился испол-

пить и это. Въ одно мгновеніе онъ очутился въ стеклянномъ домѣ подь водою, гдѣ для него былъ приготовленъ царскій пиръ. Водяница угощала его, любезно съ нимъ бесѣдуя, какъ теща съ зятемъ. Изъ этого народная легенда дѣлаетъ выводъ, что водяные, какъ и люди, бываютъ для добрыхъ добрыми и для злыхъ злыми. Довольно своеобразное пониманіе добра и зла.

Ю х а.

По вѣрованіямъ казанскихъ татаръ, Юха—это змѣй, превратившійся по простетвіи извѣстнаго количества лѣтъ въ дѣвицу, которая въ свою очередь можетъ принимать различные чувственные образы. Исторія этого превращенія такова.

Змѣй отъ одного года до восьми лѣтъ называется Хаятъ, отъ 8 до 100 лѣтъ называется Афги, отъ 100 до 1000 лѣтъ Аждага (драконъ). Чѣмъ старше змѣй, тѣмъ онъ становится крѣпче и сильнѣе. Такъ, если ужалить человѣка Хаятъ, то можно выздоровѣть. На это есть слѣдующія средства: нужно постараться убить ужалившую змѣю, прокипятить тѣло ея въ котлѣ, отбросивъ голову, и этимъ наваромъ напоить ужаленнаго, послѣ чего ужаленный поправляется. При невозможности убить змѣю нужно положить на ужаленное мѣсто нѣсколько капель лошадинаго пота и дать этотъ потъ принимать ужаленному внутрь вмѣстѣ съ кислымъ молокомъ, смѣшаннымъ съ солью; и въ этомъ случаѣ ужаленный змѣемъ Хаятъ поправляется. Человѣка, ужаленнаго змѣей Афги, никакими средствами излѣчить невозможно.

Что касается змѣя, прожившаго болѣе 100 лѣтъ и называемаго Аждага, то этотъ змѣй отличается необыкновенной силой. Вотъ что разсказывается о силѣ этого дракона. Одинъ мулла со своимъ семействомъ пошелъ косить траву. Когда мулла докосилъ свой прокосъ и хотѣлъ возвратиться обратно, чтобы закосить второй прокосъ, онъ услышалъ въ камышахъ около болота большой шумъ. Мулла, взявши вилы, пошелъ на этотъ шумъ и вдругъ видитъ въ камышахъ преобладающаго змѣя, который сталъ притягивать къ себѣ муллу воздухомъ. Какъ мулла ни сопротивлялся, его притягивало воздухомъ прямо въ пасть змѣя. Тогда онъ оставилъ въ пасть вилы. Въ такомъ положеніи мулла держался нѣсколько времени. Но за-

тѣмъ змѣй обернулъ мулау своимъ хвостомъ и задавилъ его, хотя и самъ околѣлъ, раненый вилами.

Змѣй Аждага рѣдко встрѣчается въ населенныхъ мѣстахъ. Это происходитъ отъ того, что столѣтняго змѣя, только что превратившагося въ Аждага, по повелѣнiю Всевышняго Творца обыкновенно поднимаетъ облако и уноситъ на какой либо дальнiй островъ, находящiйся въ Великомъ океанѣ (Мухитъ дингезъ), гдѣ драконъ и живетъ 1000 лѣтъ. Нѣкоторые заявляютъ, что видѣли, какъ драконъ бьетъ своимъ хвостомъ, когда несется по воздуху на островъ. Такой участи подвергнутся только тѣ Аждаги, которые не мало надѣлали бѣды народу.

По истеченiи 1000 лѣтъ Аждага превращается въ Юху, которая имѣетъ способность превращаться въ человѣка и животныхъ и въ такомъ видѣ являться татарину. Юха, въ какомъ бы видѣ она ни являлась человѣку, крайне опасна и можетъ приносить человѣку только одинъ вредъ. Иногда Юха превращается въ красивую дѣвицу, на которой татаринъ можетъ даже жениться, влюбившись въ нее. Но Юха-дѣвица непременно причинитъ вредъ своему мужу или даже можетъ съѣсть его. Вполнѣ понятно, что такихъ браковъ нужно избѣгать.

Есть нѣкоторые признаки, по которымъ Юху-дѣвицу можно отличать отъ настоящей дѣвицы: 1) у Юхи всегда изъ рта пахнетъ падалью; 2) у Юхи не бываетъ пупа; 3) у Юхи всегда большая потребность въ водѣ. При этомъ Юха, по превращенiи въ человѣка, будетъ ли то мужчина или женщина, существуетъ на свѣтѣ только 49 дней, потомъ она опять превращается въ Аждагу.

Въ статьѣ г. Насырова приводится между прочимъ рассказъ о томъ, какъ одинъ царевичъ женился на Юхѣ-дѣвицѣ, которая желала его погубить. По приведеннымъ признакамъ узнавъ, что живетъ съ чудовищемъ, онъ построилъ изъ желѣза домъ, пригласилъ въ него свою супругу и развелъ вокругъ этого дома костеръ. Такъ онъ предалъ Юху сожженiю, при чемъ слышалъ, какъ Юха-дѣвица, превратившись въ змѣя, била своимъ огромнымъ хвостомъ по стѣнамъ раскаленного терема.

Кромѣ превращенiя въ человѣка и дѣвицу Юха можетъ превращаться въ животное,—корову, собаку, кошку и т. д.

Вѣра въ превращеніе змѣй вообще распространена среди татаръ, и можно слышать много разказовъ, касающихся этого превращенія. Такъ одинъ татаринъ разказалъ слѣдующее событіе изъ своей деревенской жизни. Въ деревню часто приходила захудалая кошка. Эту кошку люди гнали отъ себя, и никто не хотѣлъ взять ее къ себѣ въ домъ. На краю деревни жилъ одинъ бѣдный мужикъ, у котораго хворала жена старуха. Увидѣвъ однажды кошку, старуха взяла ее съ собой и принесла домой. Мужикъ прогналъ кошку, но старуха подъ вечеръ опять впустила ее въ избу. Когда хозяева дома заснули, кошка стала стучать и бѣгать по столамъ, по полкамъ и сталкивать вещи на полъ. Мужикъ проснулся и разбудилъ своихъ сыновей. Послѣ этого кошка вдругъ превратилась въ змѣю. Съ испугу мужикъ сталъ будить старуху, но старуха не встала. Змѣя задушила мужа и его сыновей и ушла. Утромъ старуха встала и видитъ, что мужикъ и сыновья лежатъ на полу. Она стала ихъ будить, но они были мертвы.

Подобнаго рода разказовъ о превращеніи змѣй у татаръ очень много.

Баснословныя существа, созданныя воображеніемъ другихъ народовъ и усвоенныя татарами черезъ принятіе ислама.

Къ разряду этихъ существъ относятся Джинны,—геній, и Діу,—пери (дивъ). Первое существо—арабскаго происхожденія, второе — персидскаго. По принятіи ислама татарами вѣра въ эти существа была усвоена и ими.

Джинны. Вѣра въ геніевъ или Джинновъ была распространена у арабовъ съ незапамятныхъ временъ. Со времени Магомета эта вѣра получила религіозное освященіе, и о Джиннахъ, какъ о дѣйствительныхъ существахъ, много говорится въ Коранѣ.

По ученію Корана, человѣкъ не первоначальный разумный житель на землѣ: до него на землѣ существовали Джинны. Джинны, по представленію магометанскаго вѣроученія, составляютъ нѣчто среднее между ангелами и человѣкомъ. Они обитаютъ на землѣ и въ воздухѣ. Ѣдятъ, пьютъ, рождаются и умираютъ, могутъ имѣть даже половыя общенія съ людьми. Они стремятся проникнуть въ тайны неба, но всякій разъ отгоняются „охранительными пламенниками“. Между ними

есть вѣрующіе мусульмане и есть невѣрующіе¹⁾. Джинны были созданы прежде человѣка. „Мы сотворили, говорится въ Коранѣ, человѣка изъ брѣня, а геніевъ прежде того мы сотворили изъ огня самума“²⁾. Вотъ эти Джинны и были первоначальными обитателями и господами на землѣ. Помѣщенные на землѣ, Джинны жили до созданія человѣка подобно людямъ. Но по прошествіи нѣкотораго времени они, сдѣлавшись нечестивыми, такъ возгордились, что думали ослабить могущество Божіе на землѣ; подобно нѣкоторымъ людямъ отрицали воскресеніе³⁾; подвержены были и другимъ заблужденіямъ. Нечестіе ихъ не знало границъ. Они проливали кровь на землѣ и убивали другъ-друга. Для наказанія ихъ Богъ послалъ Иблиса⁴⁾ съ ангелами. Ангелы съ Иблисомъ во главѣ разбили Джинновъ въ сраженіи; многихъ изъ нихъ они избили, а оставшихся въ живыхъ выгнали съ земли на острова и горы⁵⁾. Послѣ изгнанія Джинновъ съ земли Богъ обратился за совѣтомъ къ ангеламъ относительно сотворенія человѣка. Таково религиозное ученіе магометанъ о Джиннахъ.

Усвоивъ исламъ, татары приняли вѣру и въ Джинновъ. При этомъ народныя вѣрованія незначительно разнятся отъ того, что передано о Джиннахъ выше. Въ народныхъ раз-

---

¹⁾ Коранъ. 55, 56, 72, 9; 71, 11, 14.

²⁾ Коранъ: 15, 26—27.

³⁾ Коранъ: 72, 7.

⁴⁾ Слово «Иблисъ» одни изъ магометанскихъ толковниковъ производятъ отъ греческаго слова δαίμονος, другіе—отъ арабскаго баласа, что значитъ «отчаялся». Что касается природы Иблиса, то одни толковники на основаніи словъ Корана (18,48) признаютъ его геніемъ или Джинномъ; другіе на томъ основаніи, что распоряженіе Бога, сдѣланное ангеламъ, о поклоненіи первозданному человѣку—Адаму относилось и къ Иблису (Коранъ 2, 32; 7, 10), предполагаютъ, что Иблисъ былъ ангеломъ. Иблисъ, по магометанскому вѣроученію, отказался поклониться первозданному человѣку, послѣ чего онъ сталъ, по словамъ Корана, въ числѣ невѣрныхъ (2, 32), а впоследствии соблазнилъ прародителей нарушить заповѣдь Божію (Коранъ 7, 19, 21). Поэтому Иблисъ, по возрѣнію магометанъ, то же, что у христіанъ дьяволъ (Beidavii commentarius in Coranum, т. 1, стр. 49—52).

⁵⁾ Beidavii commentarius in Coranum, т. 1, стр. 47.

сказахъ о разныхъ событіяхъ изъ жизни Джинновъ и встрѣчѣ съ ними только иллюстрируются тѣ положенія, которыя высказаны въ Коранѣ.

Въ воображеніи татаръ - магометанъ Джинны занимаютъ приблизительно то же мѣсто, какое бѣсы по вѣрованію христіанъ, такъ-что, если спросить татарина: что такое Джиннъ?— онъ скажетъ, что это „чёртъ“. Признавая и другія баснословныя существа нечистою силою, нѣкоторые изъ татаръ склонны считать ихъ разновидностями Джинновъ и даже называютъ ихъ Джиннами, вмѣстѣ съ тѣмъ обозначая и собственными именами. Такъ напр. въ разговорѣ можно слышать выраженія: Джиннъ Албасты, Джиннъ Бичура. Въ данномъ случаѣ происходитъ то же, что было у русскихъ по принятіи христіанства, когда многіе языческіе боги были отнесены къ разряду бѣсовъ.

По народнымъ повѣртіямъ Джинны обитаютъ въ большомъ количествѣ и въ воздухѣ и на землѣ. Они являются людямъ въ разныхъ видахъ и формахъ,—въ видѣ человѣка, кошекъ, собакъ, змѣй. На дорогахъ встрѣчаются въ видѣ слѣпыхъ, хромыхъ и т. д. При встрѣчѣ съ ними человѣкъ начинаетъ испытывать какое то непонятное безпокойство и растерянность. По ночамъ Джинны навѣщаютъ татарокъ и обращаются съ ними по-супружески, впрочемъ безрезультатно,—дѣтей отъ такого сочетанія не бываетъ, хотя отъ союзовъ Джинновъ между собою рождаются дѣти. Джинны очень боятся желѣза и можжевельника, почему татарки нерѣдко кладутъ подъ подушку эти предметы, чтобы не явился Джиннъ¹⁾.

Изъ разсказовъ не видно, чтобы Джинны приносили существенный вредъ людямъ. Но, отличаясь навязчивостью и принимая разные образы, они пугаютъ человѣка, и встрѣча съ нимъ во всякомъ случаѣ нежелательна.

Вотъ что разсказываетъ одинъ татаринъ о встрѣчѣ съ Джинномъ. „Года три тому назадъ зимою рано утромъ я отправился осматривать капкапы, поставленные мною на волковъ. Пройдя нѣкоторое разстояніе отъ деревни, я оглянулся и вижу, что за мною идетъ черная кошка. Сначала я не обра-

---

¹⁾ Можжевельникъ въ казанскомъ краѣ употребляется какъ цѣлебное средство противъ водянки. Между тѣмъ Джиннамъ татары приписываютъ водянку. Вѣроятно, поэтому Джинны и боятся можжевельника.

щаль на нее вниманія и продолжалъ свой путь; затѣмъ снова оглянулся, и что же?—я увидѣлъ уже не черную кошку, а черную собаку. Но и на это я не обратилъ никакого вниманія и все продолжалъ свой путь. Спустя нѣсколько времени я опять оглянулся назадъ. И вотъ я вижу, что черная собака уже превратилась въ человѣка, одѣтаго въ черный халатъ. Тогда я сталъ нѣсколько опасаться, догадываясь, что это Джиннъ. Вдругъ я вижу, что человѣкъ въ черномъ халатѣ уже близко отъ меня,—сажняхъ въ пяти,—и хочетъ обходить меня. Обогнавъ меня, онъ подходитъ къ одному пню и становится лицомъ ко мнѣ. Я вынужденъ былъ остановиться и не зналъ, что дѣлать. Въ это время въ ближайшей деревнѣ прокричали азанъ. Я пріободрился и, взявъ ружье, выстрѣлилъ прямо въ стоявшаго противъ меня Джина. Послѣ выстрѣла Джиннъ моментально исчезъ. А я подошелъ къ пню и сталъ осматривать его; оказалось, что весь зарядъ попалъ въ пенъ. Послѣ этого я пошелъ дальше и, осмотрѣвъ всѣ свои охотничьи приборы, благополучно возвратился домой“.

Диву (пери, дивы) ¹⁾. Дивы въ значительной степени похожи на Джинновъ. Они въ большомъ количествѣ обитаютъ невидимо,—на землѣ, подъ землей и моремъ, живутъ семьями и цѣлыми городами. Такъ же, какъ Джинны, Дивы въ разныхъ видахъ являются людямъ. При этомъ они очень враждебно относятся къ человѣку и стараются погубить его. Между тѣмъ какъ Джинны не приносятъ существеннаго вреда человѣку, Дивы похищаютъ татарскихъ дѣвицъ и затѣмъ женятся на нихъ, уводятъ татаръ къ себѣ и тамъ разными способами губятъ ихъ. Только молодцы-богатыри изъ татарскихъ юношей смѣло и безбоязненно идутъ къ Диву въ гости—выручать свою сестру или родственницу и, если нужно, убиваютъ его.

Въ случаѣ недостатка силы татаринъ, попавшій въ гости къ Диву, спасается отъ него хитростью. Объ этомъ суще-

---

¹⁾ По религіозному ученію персовъ, дивами (дэвами) называются духи зла; они олицетворяютъ дурныя наклонности человѣка, губительныя явленія природы. Дивы подъ предводительствомъ Аримана (духа зла) ведутъ постоянную борьбу съ представителями добраго начала Ормузда. Въ представленіи татаръ дивы рисуются въ болѣе измѣненномъ видѣ, чѣмъ у персовъ, со многими человѣческими слабостями, какъ-то трусливыми, глупыми и т. д.

ствуетъ много разсказовъ. Мы приводимъ одинъ изъ нихъ, слышанный нами отъ одного татарина, весьма похожій на разсказъ въ статьѣ Каюма Насырова ¹⁾, хотя въ другой вариаци.

Вотъ этотъ разсказъ:

„Въ старину, когда еще былъ живъ мой дѣдъ, мы были очень богаты. У дѣдушки много было разнаго скота и слугъ— работниковъ. Однажды онъ послалъ работниковъ въ лѣсъ рубить дрова. Они ушли. Послѣ ухода ихъ, дѣдушья послалъ меня къ нимъ съ завтракомъ. Я въ одну руку взялъ свѣжее молоко, а въ другую кислое и отправился къ нимъ. На пути мнѣ пришлось проходить лѣсомъ. Тамъ я встрѣтился съ нечистой силой—Дивомъ. Онъ увелъ меня къ себѣ въ гости. Мы съ нимъ закусили, а когда наступилъ вечеръ, легли спать. Ночью Дивъ велѣлъ своей матери укусить меня, чтобы я умеръ. Услышавъ объ этомъ, я положилъ вмѣсто себя пучокъ лучины, а самъ перешелъ на другое мѣсто. Прошло нѣсколько времени, мать Дива подошла къ кровати и, думая, что я тутъ сплю, укусила лучину и поднялась во второй этажъ, гдѣ она спала. Утромъ, проснувшись, я тоже пошелъ въ верхній этажъ дома. Дивъ и его мать спрашиваютъ меня: „не случилось ли съ тобой чего-нибудь нехорошаго?“ Я отвѣтилъ: „ничего не случилось; только среди ночи почувствовалъ я небольшую боль, какъ отъ укуса мухи, а кромѣ этого ничего не было, спалъ спокойно“. Опять наступилъ вечеръ. Мы легли спать. Я опять лучину положилъ на постель, а самъ легъ немного поодаль. Прошло нѣсколько времени, мать Дива взяла раскаленное шило и засунула шило въ лучину, думая, что на этомъ мѣстѣ сплю я, потомъ легла спать. Утромъ я поднялся къ нимъ наверхъ. Они какъ и въ прошлый разъ начали спрашивать, хорошо ли я спалъ и не случилось ли со мною чего-нибудь нехорошаго. Я отвѣтилъ по прежнему, что спалъ спокойно и неприятнаго для меня ничего не было. Когда легли спать въ третій разъ, я поступилъ по прежнему, лучину положилъ на постель, а самъ легъ на другое мѣсто. Они, думая задавить меня, спустили на мою постель жерновъ. А утромъ, вставши,

---

¹⁾ «Повѣрья и примѣты казанскихъ татаръ». Записки Императорскаго Рус. Геогр. Общества по отдѣлу этнографіи; т. 6. С.-Петербург. 1880 г., стр. 258.

спрашиваютъ меня: „Не случилось ли съ тобой что-нибудь опасное?“ Я отвѣтилъ, что спалъ спойно; но все-таки въ одно время показалось мнѣ, будто пыль сыплется съ потолка. Послѣ завтрака я сталъ звать Дива къ себѣ въ гости. Онъ согласился. Когда мы шли, на дорогѣ встрѣтили большую ель. Я выдернулъ эту ель и заставилъ Дива поднять ее за верхинку, а самъ сѣлъ на комель. Когда онъ оглядывался, я показывалъ видъ, будто бы и я несу, и ему говорилъ, что несу за толстый конецъ. На дорогѣ нашли жерновъ. Я взялъ этотъ жерновъ и, говоря, что это—брчокъ (веретено) моей матери, надѣлъ на его шею. Послѣ этого мы пришли домой. Я спросилъ у матери: „чѣмъ угостить гостя?“ Она сказала: „Отъ Дива отца, пойманнаго нами, осталась голова, отъ Дивы матери—грудь,—этимъ и можно угостить гостя“. Дивъ, услышавъ это, тотчасъ исчезъ и послѣ боялся показываться въ нашей сторонѣ“.

Баснословныя существа, олицетворяющія болѣзни.

Чячякъ анасы и Чячякъ эясе

(оспенная мать и оспенный хозяинъ).

Среди народа наиболѣе распространенныя болѣзни нерѣдко олицетворяются и представляются въ видѣ особыхъ существъ, которыя переходятъ съ одного мѣста на другое и губятъ людей. У русскихъ, напр., распространено повѣрье о семи сестрахъ—лихорадкахъ, которыя поочередно нападаютъ на человѣка и изнуряютъ его; есть рассказы и о другихъ, въ большинствѣ случаевъ эпидемическихъ болѣзняхъ.

У татаръ наряду съ другими повѣрьями пользуется большимъ распространеніемъ вѣра въ Чячякъ анасы (оспенную мать) и Чячякъ эясе (оспеннаго хозяина). Эти существа, по повѣрью татаръ, бывають при естественной оспѣ. Они живутъ въ тѣхъ впадинахъ на тѣлѣ, которыя производитъ болѣзнь оспа. Всѣ поврежденія и недуги организма, которымъ сопровождается болѣзнь, относятъ именно къ этимъ существамъ. Поэтому говорятъ: Чячякъ анасы или Чячякъ эясе давить человѣка, дѣлаетъ его слѣпымъ, кривымъ и т. д. Чячякъ анасы и Чячякъ эясе иногда дѣйствуютъ отдѣльно, а иногда совмѣстно, но результатъ ихъ дѣятельности одинъ и тотъ.

же,—они приносятъ много вреда людямъ, доводя нѣкоторыхъ до смерти.

К и р е м е т ь .

Вѣра въ Киреметя составляетъ общее достояніе приволжскихъ инородцевъ. По первоначальному пониманію, подъ словомъ Киреметь разумѣлось особое священное мѣсто, обнесенное изгородью, въ которомъ совершались жертвоприношенія и другія священныя языческія дѣйствія. Но затѣмъ со словомъ Киреметь стали соединять понятіе о духахъ, обитающихъ въ этихъ священныхъ мѣстахъ. Вблизи черемисскихъ и чувашскихъ селеній доселѣ можно видѣть огороженные изгородью рощи, которыя считаются священными и въ которыхъ, по вѣрованію язычниковъ, обитаетъ духъ—Киреметь.

Въ настоящее время у инородцевъ слово Киреметь нерѣдко употребляется какъ для обозначенія священнаго мѣста, такъ и для обозначенія духа, обитающаго на этомъ мѣстѣ. Въ этомъ смыслѣ Киреметей очень много. Они могутъ приносить вредъ человѣку; поэтому ихъ слѣдуетъ умиловать жертвами, что и дѣлаютъ до послѣдняго времени язычествующіе инородцы приволжскаго края.

Что касается казанскихъ татаръ, то и у нихъ въ прежнее время существовала вѣра въ Киреметя, которая выражалась въ принесеніи жертвъ. Въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ у казанскихъ татаръ существовалъ обычай такого рода: въ домахъ въ углу имѣли обыкновеніе вѣшать мѣшки, въ которые члены семейства и родственники клали деньги. На накопленные въ этихъ мѣшкахъ деньги покупали животное и приносили его въ жертву. Приносили въ жертву разныхъ животныхъ: бѣлыхъ лошадей, гусей и т. д.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ татары, подобно другимъ приволжскимъ инородцамъ, почитали какой нибудь ключъ, озеро, рѣчку или лѣсокъ, признавая ихъ жилищемъ духа или Киреметя, бросали туда деньги для умиловленія его или же около этихъ мѣстъ приносили въ жертву какое нибудь животное. Дѣломъ жертвоприношеній завѣдывали особыя лица—карты. Кожу послѣ жертвоприношенія отдавали мулламъ, мясо ѣли съ приглашенными муллами и гостями, а

кости при ѣдѣ строго запрещалось ломать; ихъ зарывали въ чистомъ почитаемомъ мѣстѣ.

По поводу вѣрованій въ Киреметь съ теченіемъ времени распространилось очень много брошюръ, на основаніи шаріата запрещающихъ эти вѣрованія; напр. пользовалась въ прѣжніе время большимъ распространеніемъ брошюра „Гардуванъ“.

Въ настоящее время подъ вліяніемъ ислама слѣды вѣрованій въ Киреметь у казанскихъ татаръ, можно сказать, окончательно уничтожены и, если гдѣ сохраняются, то развѣ въ самыхъ отдаленныхъ, темныхъ и невѣжественныхъ деревушкахъ.

Наиболѣе ясно сохранились слѣды вѣрованій въ Киреметь у крещеныхъ татаръ, у которыхъ до сихъ поръ по мѣстамъ распространены старинные обычаи приносить жертвы. Вотъ, напр., какой обычай существуетъ въ дер. Нослахъ малмыжскаго уѣзда. Послѣ уборки хлѣба и овощей передъ праздникомъ Покрова, въ день поминовенія усопшихъ, крещеные татары рѣжутъ въ избѣ подъ столомъ гуся. Старшій въ семействѣ сначала точитъ ножъ, затѣмъ выходитъ на дворъ и, поймавъ одного гуся, завязываетъ ему ноги мочалой и, не говоря ни слова, возвращается въ избу. Въ это время всѣ находящіеся въ избѣ сидятъ молча, не переходя съ одного мѣста на другое. Потомъ хозяинъ укладываетъ гуся подъ столъ, беретъ ножъ въ руки и произноситъ въ умѣ: Аллага табшырдык, курбан кабыл булсын—приносимъ Богу жертву, да будетъ она ему угодна. Послѣ произнесенія этихъ словъ хозяинъ рѣжетъ гуся. Жена хозяина тутъ же щиплетъ пухъ, чиститъ, моетъ въ горшкѣ и кладетъ гуся, дожидаясь солнечнаго заката. Какъ только солнце закатится, она беретъ изъ горшка гуся, рубитъ его пополамъ кладетъ въ котелъ и варитъ. Когда сварится гусь, старшій въ семействѣ беретъ изъ котла одну часть, а его жена другую въ чашку или тарелку, и оба идутъ къ столу. Столъ накрываютъ чистой, бѣлой скатертью. Хозяинъ съ хозяйкой, держа чашку съ гусемъ въ рукахъ, молятся, произнося молитвы, какія кто знаетъ. На время молитвы, избу затворяютъ, чтобы не зашелъ посторонній человѣкъ. По окончаніи молитвы, всѣ садятся за столъ и ѣдятъ жертвенное мясо.

По повѣрью крещеныхъ татаръ, кто ежегодно въ день Покрова приноситъ гуся въ жертву, того Богъ не наказываетъ ни болѣзнями, ни падежемъ скота.

Въ тотъ же день ночью часа въ два на подоконникъ кладутъ дивіе камни—плитняки и можжевельныя вѣтви въ цѣляхъ предохраненія отъ бѣсовъ¹⁾. Эти камни и вѣтви хранятся до слѣдующей субботы, потомъ камни бросаютъ, а можжевельныя вѣтви сжигаютъ.

Въ этихъ обрядахъ у крещеныхъ татаръ въ значительной степени сохранились слѣды прежнихъ вѣрованій въ Киреметя и обычай для умилостивленія его приносить жертвы. Разница отъ прежнихъ обычаевъ та, что теперь въ обрядахъ упоминается имя Бога, а не Киреметя, что произошло подъ вліяніемъ христіанства. Но и языческія вѣрованія другихъ инородцевъ,—чувашъ, черемисъ,—эволюціонировали и вмѣсто множества духовъ-киреметей въ большинствѣ они начинаютъ признавать одного главнаго Духа-Киреметя, вѣра въ котораго постепенно переходитъ въ признаніе единаго Всевышняго Бога.

II.

Повѣрья, гаданія и ворожба, касающіяся разныхъ предметовъ и явленій природы и человѣческой жизни.

Кромѣ вѣры въ баснословныя существа среди казанскихъ татаръ распространены разнаго рода другія повѣрья—гаданія и ворожба, при посредствѣ чего татары стараются узнать будущую судьбу человѣка или избѣгнуть грозящей опасности. Ниже мы излагаемъ означенныя повѣрья, касающіяся разныхъ сторонъ природы и человѣческой жизни.

1) *Предсказаніе удачи въ дѣлѣ.* Ворожатъ на *двухъ крошкахъ хлѣба* и на *двухъ крошкахъ угля*. Ставятъ ихъ крестообразно на столъ на четырехъ мѣстахъ и посрединѣ надъ ними вертикально держатъ на ниточкѣ веретено. Если задумываемое сбудется или предпріятіе удастся, то веретено идетъ на хлѣбъ, а если послѣдуетъ неудача, то веретено уходитъ на уголь.

---

¹⁾ По принатіи христіанства у крещеныхъ татаръ вѣра въ Джинновъ замѣнена вѣрою въ бѣсовъ. Но свойство Джинновъ бояться можжевельника сохранилось и за бѣсами.

2) *Какъ избавиться отъ холеры.* Для этого пужно про- вести борозду вокругъ деревни; соху тянуть должны однѣ женщины безъ мужчинъ.

3) *Скотскій надежъ.* Для уничтоженія болѣзни нужно сварить кашу и поставить на столбъ забора безъ ложки, чтобы эта болѣзнь питалась кашей и не уничтожала скота.

Часто случается, что молодежь крадетъ эту кашу и съѣдаетъ, а хозяева думаютъ, что поѣдаетъ кашу болѣзнь.

Если скотины умираетъ много, то надо вырыть на берегу рѣки землю снизу вверхъ и пропустить скотину съвозъ землю; тогда чума прекратится. Нужно зажечь два большихъ костра и пропустить скотину между кострами, болѣзнь тоже прекращается.

4) *Какъ избавиться отъ бѣсовъ.* Въ предохраненіе отъ враждебной нечистой силы передъ сномъ подъ постель кладутъ ложку, ножъ, топоръ или вообще какую либо *стальную* вещь.

На мужчинъ бѣсъ рѣдко нападаетъ и даже боится ихъ. Поэтому татарки очень часто въ баню берутъ съ собой одного ребенка мужского пола.

5) *Какъ избавиться отъ клоповъ.* Когда въ домѣ заведется много клоповъ, то для спасенія отъ нихъ одного изъ членовъ семейства заставляютъ кричать: „Дома-ли клопъ вашъ?“ — „Нѣтъ“, — отвѣчаютъ изъ дома. Вопросъ этотъ повторяется до трехъ разъ. Въ третій разъ изъ дома на вопросъ отвѣчаютъ: „Нѣтъ клопа дома; онъ ушелъ къ такому то (имя) въ гости“. Послѣ этого клопы гибнутъ.

Есть еще способъ избавиться отъ клоповъ. Для этого нужно пустить тихонько клопа подъ хомутъ лошади пріѣзжаго человѣка.

6) *Способъ узнать характеръ мужа и жены.* Нужно ночью поймать курицу и пустить ее въ избѣ при огнѣ. Если курица будетъ сидѣть смирно, то и жена будетъ смирна; если курица бойка, то и жена будетъ сварливая.

Для того, чтобы узнать характеръ мужа, нужно при огнѣ пѣтуха подпустить къ водѣ; если пѣтухъ будетъ пить воду, то мужъ будетъ пьяница; если не будетъ, — то мужъ будетъ человѣкъ трезвый.

7) *Способъ заставить себя любить.* Когда соловей кончитъ пѣть и тутъ же отлетитъ съ дерева, нужно отломить

еще качающийся сучокъ дерева, на которомъ онъ сидѣлъ. Когдѣ этимъ сучкомъ ударишь, тотъ будетъ тебя любить.

8) *Способъ узнать, уйдутъ ли рекруты въ солдаты.* Четверо рекрутъ въ полночь упираются въ дверь, подпертую дубиной. За дверью разсыпана зола. Дверь подъ ихъ напоромъ треснетъ. Послѣ этого разсматриваютъ разсыпанную за дверью золу; если получается фигура, похожая на солдата, значитъ рекруты уйдутъ въ солдаты.

9) Весною увидѣвъ въ первый разъ скворца, потри щеку снѣгомъ; круглый годъ лицо будетъ бѣлое и красивое.

10) Когда дѣлаешь починъ жатвы, первую горстью сжатаго хлѣба опояшься, спина не будетъ болѣть.

11) Когда несешь въ домъ ягненка, не говори ни слова, а то ягненокъ будетъ очень крикливый.

12) Если дѣвица косу плететь и часть волосъ оставить на вискѣ не заплетенными,—замужъ выйдетъ; а если у замужней женщины часть волосъ останется незаплетенной, то ее въ гости пригласятъ.

13) Когда заплетешь косу, то самый конецъ на обѣихъ косахъ снова надо чесать и оправлять, чтобы садиться на нихъ двумъ ангеламъ.

14) Послѣ стирки рубаху вѣшай для сушки передней стороной, воротомъ вверхъ, всегда будетъ легко и здорово. Если рубаху повѣсить спиной вверхъ, то рубаха не будетъ просить тебѣ здоровья, и ходить въ ней будетъ тяжело. Также и штаны не вѣшай вверхъ задней стороной, а передней.

С а к ъ - С у к ъ.

У одного человѣка было двое дѣтей—сынъ и дочь. За непослушаніе мать прокляла ихъ: „будьте, сказала она, Сакъ-Сукъ“, и они, превратившись въ птицъ, улетѣли. Впослѣдствіи они, возвратившись къ матери, плакали и умоляли ее, чтобы она простила. Мать сожалѣлась надъ ними и простила ихъ; но Богъ не простилъ ихъ за то, что обидѣли свою мать. И вотъ до настоящаго времени по ночамъ можно слышать голоса этихъ непокорныхъ дѣтей. Одинъ кричитъ: „Сакъ“, а другой отвѣчаетъ: „Сукъ“. Людямъ они никогда не показываются.

Матери-татарки часто рассказываютъ эту сказку дѣтямъ, чтобы они были послушны и оказывали полное повиновеніе родителямъ.

Лечение при посредствѣ ворожбы, гаданія и другими способами.

Среди татарь особенно распространено лечение путемъ наговора, ворожбы и другими способами.

Едва ли не въ каждой деревнѣ имѣется свой лѣкарь, который, если пожелаетъ, можетъ вылѣчить отъ всякой болѣзни водой, надъ которой онъ наговариваетъ никому неизвѣстныя слова. По степени славы не всѣ лѣкаря одинаковы; нѣкоторые лѣчатъ только въ своей деревнѣ. Есть между ними и такіе, которые славятся на очень далекое разстояніе и пользуются большою извѣстностью. Къ нимъ издалека пріѣзжаютъ со всевозможными недугами. Такія знаменитости не ограничиваются при лѣченіи наговорами на одну воду, но дѣлаютъ наговоры и на другіе предметы, напр. на уголь, на лыко, на зерна, на одежду и т. д. Къ лѣченію наговорами прибѣгаютъ какъ къ послѣднему средству, обращаются не только съ своими болѣзнями, но и съ болѣзнями скота.

Есть и другіе способы лѣченія. Напр. въ человѣка, страдающаго нервами, по повѣрью татарь, вселился бѣсъ. Чтобы излѣчить человѣка, нужно выгнать бѣса. Какъ же это сдѣлать? Для этого слѣдуетъ только неожиданно, нечаянно для больного человѣка, въ его присутствіи сдѣлать выстрѣлъ изъ ружья. Бѣсъ напугается и тотчасъ же выскочитъ изъ человѣка. Въ случаѣ головной боли можно излѣчиться такимъ способомъ. Лѣкарь беретъ лыко и имъ окручиваетъ одинъ разъ голову около ушей; на лыкѣ углемъ проводитъ черту; затѣмъ снимаетъ лыко съ головы, складываетъ его вдвое и, если проведенныя черточки не сходятся, то это значитъ, что мозгъ перемѣнился на одну сторону. Въ виду этого спать слѣдуетъ на другой сторонѣ головы, и тогда все пройдетъ.

Далѣе мы перечисляемъ разнаго рода болѣзни и способы ихъ излѣченія.

1) *Лечение отъ болѣзни, посланной Ой эясе или Абзаръ эясе.* Если у кого заболитъ голова, нога или глазъ, ворожейка старается опредѣлить, кѣмъ послана эта болѣзнь, — Ой эясе или Абзаръ эясе, чтобы принять соотвѣтствующія мѣры. Для опредѣленія причины болѣзни она беретъ веретено (орчѣкъ) съ ниткой, ставитъ (на него) два зерна хлѣба и начинаетъ, не шевеля руку, держать его. Спустя нѣкоторое время, веретено начинаетъ качаться на обѣ стороны (къ одному изъ зеренъ).

хлѣба. По этому качанію ворожейка опредѣляетъ, кто испортилъ человѣка Оя эясе или Абзаръ эясе. Соответственно этому опредѣленію, начинается умиловивленіе того или иного существа, варятъ кашу и примѣняютъ другіе способы умиловивленія, послѣ чего болѣзнь проходитъ.

2) *Болъзнъ, посланная Сьу эясе (водянымъ)*. Если у кого заболитъ тѣло разными болячками, то надо завернуть въ тряпку полбенную крупу и пустить въ воду со словами: „каян килден шунда кит, эясе ня итеп бир“—(откуда пришелъ туда иди; отдай хозяину). Послѣ этого всѣ болячки проходятъ.

Перейдешь рѣчку или попьешь изъ нея воды, брось въ воду доскутокъ изъ своей одежды. Иначе вода пошлетъ тебѣ нездоровье. Если по забывчивости не сдѣлаешь этого и ничего не будешь думать объ этомъ, то и вреда не будетъ. Если тронетъ тебя вода и захвораешь,—брось въ эту воду хлѣбъ и соль со словами: „Отецъ водяной, мать водяная, не тронь меня, не касайся, вреда своего и бѣды своей не пошли на меня“ (Сьу атасы, Сьу анасы, кагылма, сугылма, зыянынны, зярааренней тей-бермя). Если перейденная рѣка далека и сходить къ ней нѣтъ времени, то можно бросить хлѣбъ-соль въ ближнюю рѣчку—съ прибавленіемъ въ концѣ словъ: жила воды одна,—сьу тамы беръ.

3) *Болъзнъ отъ порчи глазъ*. Для того, чтобы узнать, кто сглазилъ человѣка, производятъ слѣдующее: берутъ холодные угли и кладутъ ихъ въ холодную воду; если уголь запишитъ, то сглазилъ мужчина, если не шипитъ, то сглазила женщина.

Если кто сглазитъ ребенка, то вскорѣ послѣ ухода человѣка, сглазившаго ребенка, моютъ скобу двери или то мѣсто, гдѣ сидѣлъ этотъ человѣкъ, и этой водой моютъ ребенка.

4) *Лихорадка*. Гдѣ лихорадка начала тревать человѣка въ 1-й разъ, оттуда нужно перелечь на другое мѣсто. Лихорадка начнетъ искать и не найдетъ, потомъ будетъ кричать: гдѣ ты?—Ты не отеликайся; а если будетъ кричать три раза, то отвѣчай: „мнѣ недосугъ, соль вѣшаю“. Тогда она скажетъ: „охъ, его не дожدهшься, лучше уйду“, и уходитъ совсѣмъ.

Лихорадка оставляетъ человѣка больного, если онъ перескочитъ черезъ рѣчку, или sprysнешь его холодной водой.

5) *Куриная слѣпота*. У кого куриная слѣпота и онъ не можетъ видѣть при огнѣ, ему нужно залѣзть на повѣтъ сосѣдняго двора и рыться въ соломѣ до тѣхъ поръ, пока не

замѣтитъ этого хозяинъ дома. Когда хозяинъ увидитъ, онъ разсердится и закричитъ: „Что ты какъ курица на повѣти роешься?“ Тогда ты скажи: „у меня куриная слѣпота, пусть она пристанетъ къ тебѣ“ и спрыгни съ повѣти. Тогда куриная слѣпота пристанетъ къ хозяину сосѣдняго дома.

6) *Леченіе отъ чирья.* а) Когда на краяхъ рта у кого нибудь появятся болячки-чирьи, то онъ долженъ взять въ ротъ удила и заржать три раза какъ жеребецъ со словами: „жеребцомъ сталь,—айгыр булдум“. Болѣзнь проходитъ. в) Если ребенокъ плюнетъ на огонь и у него на губахъ появляются желтыя болячки, тогда на огонь вылей желтое коровье масло, не говоря ни слова, и болѣзнь уничтожится.

7) *Леченіе отъ опухоли на щекѣ (флюсь).* Когда распухнетъ щека надъ челюстью, то обыкновенно говорятъ: появилась лягушка. Наговоръ производятъ такъ: у такого то (имя) лягушка образовалась (бака булган). Отъ лягушки наговоромъ лѣчу (бака имнейем). Затѣмъ начинается счетъ: разъ, два, три—до девяти. Снова счетъ отъ 1—8, отъ 1—до 7 и т. д. Послѣднія слова: одинъ, два, одинъ, нѣтъ ничего, тѣфу (плюеть). Болѣзнь проходитъ.

8) *Леченіе отъ ячменя на глазахъ.* Если появится на глазахъ ячмень, то для излеченія производятъ наговоръ отъ ячменя въ такихъ же словахъ, какъ наговариваютъ отъ опухоли на щекѣ; у крещеныхъ татаръ наговоръ производитъ женщина по имени Марea.

9) *Болѣзнь живота.* Когда у ребенка заболитъ животъ, то эта болѣзнь называется мошкят булган. Наговариваютъ отъ болѣзни новосшитыми штанами, и эти штаны отдають наговорщицѣ.

10) *Болѣзнь затылка.* Если затылокъ болитъ, выйди тихонько за форсистымъ человѣкомъ и поклонись вслѣдъ ему три раза со словами: купшылыгын мина, кѳязлеген ѳзеня: (форсъ твой одеждой пусть будетъ мнѣ, а стройная ходьба твоя станомъ пусть останется при тебѣ).

11) *Икота.* Икота бываетъ съ человѣкомъ, когда кто нибудь про него говоритъ. Икота оставляетъ человѣка, если обманешь его и заставишь божиться. Икота прекращается еще въ томъ случаѣ, когда, перебирая имена знакомыхъ, скажешь имя того человѣка, кто въ тотъ моментъ про тебя говоритъ.

Вѣра въ сверхъестественную силу талисмановъ

(Тыльсымъ).

Талисманы (тыльсымъ) у татаръ пользуются большимъ распространеніемъ. Выписки изъ Корана, наговоры, записанные на бумагѣ, привѣшиваются на шею и носятъ для предохраненія отъ бѣсовъ, отъ злыхъ людей и несчастій. Женщины пользуются талисманомъ для возбужденія къ себѣ большей любви въ мужьяхъ. Дѣлается это обыкновенно такъ. Если замужняя татарка замѣчаетъ, что мужъ несовсѣмъ ее любить, то она обращается къ татаркѣ, знающей слова талисмана, съ просьбою написать слова на бумагѣ. Та за известную плату исполняетъ ея просьбу. Татарка, получившая талисманъ, носить его постоянно на шеѣ въ маленькомъ кошелькѣ, подъ рубашкой. Въ этомъ случаѣ она будетъ казаться очень красивой и симпатичной, ея мужъ уже никогда не можетъ увлечься другой женщиной, какъ бы она ни была красива. Талисманъ татары называютъ еще „сөйдөргөч“.

III.

Примѣты.

По разнымъ примѣтамъ изъ области внѣшняго міра, человѣческой жизни и жизни животныхъ народъ пытается проникнуть въ будущее. По примѣтамъ угадываютъ будущую судьбу человѣка, удачу или неудачу въ его дѣйствіяхъ и предпріятіяхъ, несчастье или какую-либо большую радость. Всѣ примѣты, о которыхъ мы слышали отъ казанскихъ татаръ, распредѣлены нами на слѣдующія группы: 1) Объ удачѣ въ дѣлахъ и благополучіи въ пути; 2) Погода; 3) Урожай; 4) Бѣдствіе; 5) Война; 6) Пожаръ; 7) Гости. Особую группу составляютъ примѣты, относящіяся къ разнымъ обстоятельствамъ жизни.

А) Объ удачѣ въ дѣлахъ и благополучіи въ пути. 1) Когда выходишь предпринимать какое нибудь важное дѣло и тебѣ встрѣтится на пути мягкосердечный хорошій человѣкъ, дѣло пойдетъ хорошо; встрѣтится злой человѣкъ, дѣло впередъ не пойдетъ.

2) Когда выходишь сѣять, черезъ дорогу на пути никого не пропускай, а то не уродится хлѣбъ.

- 3) Лошадь испражняется,—путь будет благополучный.
- 4) Если лошадь въ началѣ пути шагнетъ правой ногой,—благополучный путь.
- 5) Лошадь фыркаетъ,—будетъ неблагополучіе въ дорогѣ.

Б) Погода. 1) Звонъ въ ухахъ,—зимой оттепель, лѣтомъ ненастье.

2) Если чешется въ правомъ ухѣ, погода ясная будетъ, въ лѣвомъ ухѣ чешется—будетъ буранъ или дождь.

3) Поясница ломить—къ ненастью.

4) Утки плещутся въ водѣ—дождь будетъ: осенью или зимой квакаютъ—къ холоду.

5) Гуси моются—будетъ сильный дождь.

6) Цыплята собираются въ одно мѣсто—къ дождю.

7) Воробьи вьютъ гнѣзда—хорошая погода.

8) Кошка царапается—будетъ сильный буранъ или дождь. Кошка на печь ляжетъ—холодъ; на полу у двери ляжетъ—къ теплу.

9) Собака валется спиной по землѣ—буранъ или дождь будетъ.

10) Лѣсъ шумить—сильный дождь будетъ.

В) Урожай. 1) Въ новый годъ сумрачно—къ урожаю.

2) Зимой вода на ледъ выступаетъ—урожай будетъ.

3) На елкѣ весной будутъ висѣть шишки, греча хорошо уродится.

4) Капусту, огурцы сажай во время пригона скота съ поля вечеромъ,—урожай будетъ сильный.

5) Таракановъ много въ домѣ—къ богатству.

6) Пролетитъ черезъ селеніе лебедь—голодъ будетъ.

Г) Бѣдствіе и радость. 1) Весною въ первый разъ громъ грянетъ съ востока или юга—годъ спокойный будетъ; съ сѣвера, запада грянетъ—годъ будетъ беспокойный, случится война или другое несчастье.

2) Правая щека чешется—радость будетъ, лѣвая чешется—плавать будешь.

3) Если курица запоетъ пѣтухомъ, бѣда будетъ въ дому.

4) Если курица пѣтухомъ запоетъ на востокъ, югъ—къ добру; если запоетъ курица на сѣверъ, западъ, то будетъ повойникъ или другое несчастье.

5) Передъ несчастіемъ тараканы начинаютъ сильно шумѣть, переходя съ мѣста на мѣсто, а то и совсѣмъ уходятъ изъ избы; въ этомъ домѣ будетъ пожаръ или наступить бѣдность.

Д) Война. 1) Если послѣ заката солнца пѣтухи запоютъ, — жди Государева указа о войнѣ.

2) Предъ войной на небѣ огненный столбъ виднѣется, солнце и небо краснѣютъ.

Е) Пожаръ. 1) Если лебедь пролетитъ черезъ деревню, обязательно будетъ пожаръ.

2) Тараканы табуномъ уйдутъ изъ избы—тоже пожаръ будетъ.

3) Если въ деревнѣ кукушка кричать будетъ—будетъ пожаръ.

4) Когда при жатвѣ въ снопѣ попадетъ лошадиная щавель, въ деревнѣ будетъ пожаръ.

Ж) Гости. 1) Кошка моется, протянувши хвостъ,—гости прійдутъ.

2) Пѣтухъ запоетъ у дверей, гости прійдутъ.

3) Изъ печи вылетаютъ горячіе угли—тоже.

4) Ложка останется на столѣ невытой—тоже.

5) Въ дверяхъ прижать ногу—тоже.

6) Сажа загорится въ трубѣ—тоже.

7) Чайная чашка, ложка останутся не убранными—тоже.

8) Если дергаетъ правый глазъ, родственника увидишь.

9) Лѣвый дергаетъ—увидишь чужого человѣка.

Когда кошка лапу кладетъ на шею, говорится: „тяртя кайыра“—оглобли ввертываютъ, т. е. гости собираются. Если у кошки лапа холодная—гость будетъ мужчина; если лапа теплая, гостя женскаго пола.

10) Укусить языкъ нечаянно—голодный гость будетъ.

З) Примѣты, относящіяся къ разнымъ предметамъ и явленіямъ жизни.

1) Въ новый годъ долга не плати,—весь годъ будешь въ долгахъ.

2) Если чешется правая ладонь, получишь откуда нибудь денегъ, лѣвая чешется—на деньги будетъ расходъ.

3) На ногтяхъ появится бѣлое пятно, обнова будетъ.

4) Когда пѣтухи вразъ вечеромъ пропоютъ, будетъ тепло или же приѣдетъ кто либо изъ начальствующихъ (урис хабаре булыр).

5) Если у беременной женщины цвѣтъ лица красный, то она родитъ дѣвочку; если лицо будетъ темное, мальчика родитъ.

Значеніе нѣкоторыхъ сновъ.

- 1) Деньги мѣдныя видѣть во снѣ—несчастіе.
- 2) Домъ строить во снѣ—смерть.
- 3) Жениться или выходить замужъ—смерть.
- 4) За грибами ходить въ лѣсъ—бѣдствіе.
- 5) Картины видѣть—печаль.
- 6) Новый колодезь рыть—печаль.
- 7) Маленькимъ себя видѣть—болѣзнь.
- 8) Братъ во снѣ ребенка на руки—болѣзнь.
- 9) Лапти надѣть—бѣду нажить.
- 10) Лѣнивымъ видѣть себя—печаль.
- 11) Во снѣ увидишь зеленую траву, горохъ—слезы.
- 12) Во снѣ отдашь покойнику что нибудь—новорожденный.
- 13) Если отъ покойника возъмешь—польза будетъ.

О нѣкоторыхъ повѣрьяхъ у крещеныхъ татаръ.

У крещеныхъ татаръ съ принятіемъ христіанства образовались съ теченіемъ времени особыя повѣрья, носящія христіанскій характеръ. Къ разряду ихъ относятся слѣдующія:

1) По повѣрью крещеныхъ татаръ, на страстной недѣлѣ въ великій четвертокъ всѣ покойники выходятъ изъ гробовъ. Въ этотъ день почти въ каждомъ домѣ топятъ баню и, когда вымоются, оставляютъ въ банѣ все въ готовомъ видѣ—тазы, вѣники, воду для покойниковъ, чтобы они могли помыться и попариться. Вечеромъ всѣ покойники приходятъ домой; ихъ можно видѣть на дорогѣ идущими одинъ за другимъ, если посмотрѣть на дорогу черезъ семь мѣдныхъ ситъ.

2) Въ день Благовѣщенія пройдеши подъ дугообразно согнутымъ деревомъ, спина цѣлый годъ не будетъ болѣть.

3) Если въ этотъ день по снѣгу съ горы прокатиться на донышкѣ прѣлки—день длинный будетъ.

4) Въ Благовѣщеніе голову чесать—курсы постоянно огородъ будутъ ковырять.

5) Кто въ день Благовѣщенія перепрыгнетъ черезъ огонь—
круглый годъ онъ будетъ здоровъ и ему будетъ легко.

6) Въ томъ домѣ, гдѣ священникъ во время хода на
Пасхѣ или на Рождествѣ сядетъ отдохнуть и побесѣдовать
съ хозяевами, будутъ плодиться куры.

7) Въ новый годъ сумрачно—урожай будетъ въ томъ
мѣстѣ, гдѣ тучи.

8) Въ великій четвергъ морозъ—не уродятся овощи.

9) У кого слышится въ великій четвертокъ стукъ то-
пора—покойникъ будетъ.

10) Въ великую субботу сильный вѣтеръ—уродится греча
и не уродится жито.

11) Въ Филипповъ постъ иней предвѣщаетъ урожай.

Я. Кобловъ.

Печатано по распоряженію г. попечителя казанскаго учебнаго округа.
